

От автора романа «ТАЙНА МОЕГО МУЖА»

В увлекательном, хорошо написанном романе Мориарти для каждого что-то найдется.

Daily Telegraph

Последний ШАНС

Несомненная удача автора. Прекрасно написанный развлекательный роман.

Publishers Weekly

и

Лиана Мориарти

Annotation

Новый роман от Лианы Мориарти с захватывающим сюжетом и с привлекательными и эксцентричными персонажами.

У Софи Ханивел прекрасная работа и любящие родители, а вот личная жизнь не сложилась. Совершенно неожиданно Софи получает в наследство дом престарелой тетушки на крошечном острове Скрибли-Гам. В письме, приложенном к завещанию, эта дама пишет о симпатичном молодом человеке, который очень подошел бы Софи.

Молодая женщина с радостью переезжает на очаровательный остров в надежде, что найдет там мужа. Но в результате жизнь Софи становится все более запутанной, и она понимает: не следует ждать прекрасного принца, а пора взять все в свои руки и создать собственный сказочный финал.

Впервые на русском языке!

Лиана Мориарти

Последний шанс

Моим родителям, Диане и Берни Мориарти, с огромной любовью

Liane Moriarty
THE LAST ANNIVERSARY
Copyright © Liane Moriarty, 2005

© И. Иванченко, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
Издательство Иностранка®

* * *

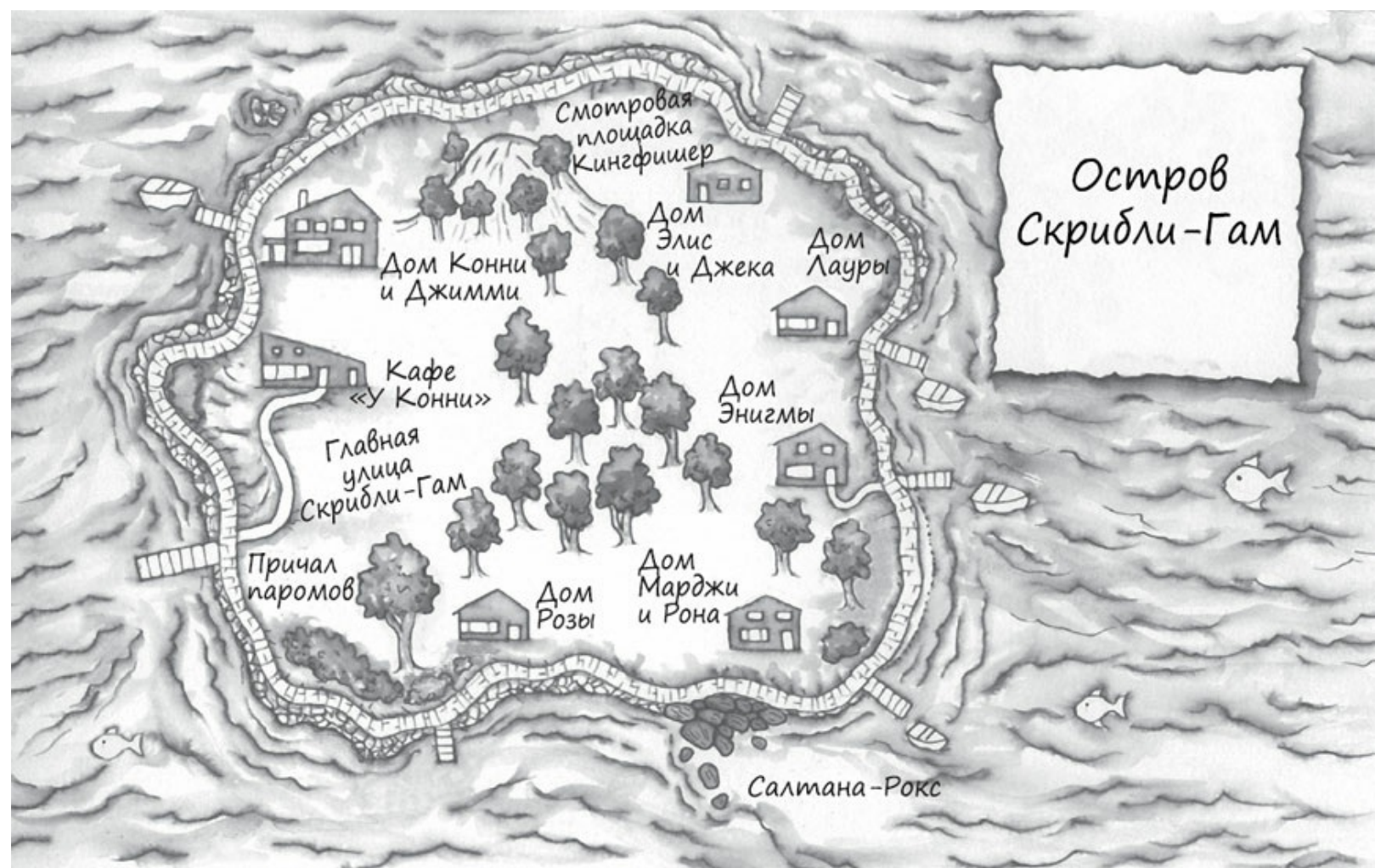
Лиана Мориарти – австралийская писательница, автор нескольких международных бестселлеров. Тираж ее книги «Тайна моего мужа», получившей признание во всем мире, ставшей супербестселлером, только в США превысил один миллион экземпляров; роман переведен более чем на 35 языков мира. Компания «CBS Films Inc.» приобрела права на его экранизацию.

Роман интересный, трогательный и мудрый – ни за что не угадаете развязку но она вызовет у вас улыбку

Townsville Bulletin

Благодарности

Выражаю особую признательность своим друзьям Петронелле Макговерн, Марисе Медине и Ванессе Проктор, которые читали и комментировали наброски этого романа. Я также в долгу перед сестрами Николь и Жаклин Мориарти – за все их замечательные предложения и неизменную поддержку. Моя бабушка, Лили Деннет, рассказала мне много полезного про эпоху Великой депрессии, а родители, Диана и Берни Мориарти, помогли изучить географический регион, где разворачивается действие «Последней Годовщины». Кроме того, я хочу сказать огромное спасибо своему литературному агенту Фионе Инглис, а также издателю и редактору Кейт Патерсон, благодаря усилиям которой моя книга стала значительно лучше.

Глава 1

– Ты действительно считаешь, что это сойдет нам с рук?

– Конечно, иначе я бы и предлагать не стала.

– Нас посадят. Это третья из моих фобий. Первая – пауки, которые живут в дымоходе, вторая – деторождение и наконец – боязнь оказаться за решеткой.

– Никого не посадят в тюрьму, глупышка. Мы будем жить долго и счастливо, станем чопорными сухонькими старушками и напрочь забудем про свои нынешние страхи и опасения.

– Не могу представить нас чопорными сухонькими старушками.

– Да уж, и я тоже.

Глава 2

Семейная жизнь – тяжелый труд, а подчас и скука. Очень похоже на работу по дому, которой конца-краю не видно. Приходится, стиснув зубы, тянуть ляжку, и так день за днем. Разумеется, мужчины стараются значительно меньше нашего, но на то ведь они и мужчины, верно? Работой по дому они тоже не очень-то себя утруждают. Во всяком случае, так было в мое время. Конечно, сейчас мужчины сплошь и рядом готовят, пылесосят, меняют детишкам подгузники – много чего делают! Правда, на вашу долю все равно приходится гораздо больше, согласна? Хотя девушек теперь не особенно готовят к замужеству...

– Тетя Конни, все это прекрасно, но дело в том, что меня не интересует семейная жизнь в целом. Меня интересует брак Элис и Джека. Как бы вы его описали? Ординарный? Неординарный? Постарайтесь вспомнить! Важна будет даже мельчайшая подробность. Как вы думаете: эти двое любили друг друга?

– Любили ли они друг друга? Ха! Сейчас я скажу тебе что-то очень-очень важное. Запиши. Готова?

– Да-да, готова.

– Любовь – это решимость.

– Любовь – решимость?

– Верно. Решимость. Не чувство. Вот этого вы, молодые, не понимаете. Поэтому часто разводитесь. Не обижайся, дорогая. А теперь выключи свой дурацкий магнитофон, и я приготовлю тебе тост с корицей.

– Я и так объелась, тетя Конни. Правда. Как ни печально, но вы мне совсем не помогли. Понимаете, тайна младенца Манро напоминает пазл. Вы – фрагмент этого пазла. Если я найду все фрагменты, то смогу разгадать загадку. Только представьте: столько лет спустя тайна раскрыта! Это будет потрясающе, правда?

– Ах, Вероника, детка, почему бы тебе не устроиться на работу? На стабильную работу, в какое-нибудь солидное место, например в банк.

Это было как гром среди ясного неба: сразу после пасхальных каникул Томас Гордон, бывший возлюбленный Софи Ханивел, вдруг позвонил ей на работу с предложением встретиться в кафе. Заявил, что им надо кое-что серьезно обсудить.

– Полагаю, ничего слишком серьезного?

Софи слышит свой срывающийся от радости голос. Сердце бешено колотится, как будто она с кем-то крупно повздорила. Услышав этот знакомый, но теперь уже чужой голос, она даже вздрогнула. Они ведь расстались целых три года назад и с тех пор ни разу не разговаривали.

– Надеюсь, никто не умер? – бодро спрашивает Софи.

Надо же было сморозить такую глупость! Должно быть, всему виной нервы.

Наступает пауза, а потом Томас произносит:

– Ну, вообще-то, ты угадала: кое-кто действительно умер.

Софи ударяет себя ладонью по лбу. И, смущенно откашлявшись, вовремя вспоминает вежливые слова, которые принято говорить в таких случаях.

– Томас, – проникновенно и печально произносит она, – мне очень жаль. Прими мои соболезнования.

– Да, спасибо, – отрывисто отвечает тот. – Ну так что, мы можем сегодня встретиться в баре?

– Да, конечно. Но... Так кто же все-таки умер?

– Слушай, давай поговорим об этом вечером.

Словно они и не расставались! Неужели так трудно сказать напрямик? Губы Софи начинают складываться в досадливую гримасу, как это прежде частенько бывало во время телефонных разговоров с Томасом.

– Но я весь день буду думать: кто, кто же умер?

Он тяжело вздыхает и говорит:

– Моя тетя Конни.

– О-о! – Софи испытывает облегчение, но старается не показать этого. – Мне очень жаль.

Она хорошо помнит тетюшку Конни, но старушке, должно быть, было лет девяносто, не меньше. Софи видела ее всего пару раз, и уж наверняка после трех лет гнетущего молчания – оба они тяжело переживали разрыв – Томас пригласил бывшую возлюбленную в кафе не для того, чтобы поставить ее в известность о смерти престарелой родственницы.

– Полагаю, об этом сообщат в газетах, – говорит Софи. – Она ведь была в своем роде знаменитостью, да?

– Да, возможно. Ну ладно, тогда до вечера. Буду очень рад тебя увидеть. Итак, в баре «Риджент», в шесть. Тебе удобно туда подойти?

– Да, конечно. До встречи.

Софи кладет трубку, медленно записывает на стикере: «Томас, 6 часов» и прилепляет его к компьютеру. Как будто подобное может вылететь у нее из головы. А ведь Томас недаром выбрал именно бар «Риджент», расположенный в пяти минутах ходьбы от ее офиса. Софи уже успела позабыть, что он считает всех женщин беспомощными хрупкими существами, способными заблудиться, когда рядом нет мужчины. Настоящий сексист.

Нет, одергивает себя Софи, будь объективной: никакой Томас не сексист, а просто добрейшей души человек, который беспокоится об удобстве окружающих – как женщин, так и мужчин. Этакий всеобщий заботливый папаша.

Между прочим, теперь он и впрямь папаша. Похоже, сердце Томаса успело исцелиться, после того как Софи «пропустила его через машинку для уничтожения бумаг» (так он сам написал, напившись тогда с горя, в жалком электронном послании, напичканном непонятными метафорами). Теперь ее бывший женат на некоей Деборе, и у них родилась дочь... Как ее, еще имечко такое жеманное: Милли? Лили? Сьюзи? – в общем, что-то в этом роде.

На самом деле Софи притворяется, что не помнит имени ребенка. Она прекрасно знает, что девочку зовут Лили.

Софи снова смотрит на экран компьютера. Когда позвонил Томас, она составляла директиву для Комитета по контролю морального состояния сотрудников. Она успела набрать заголовок:

* * *

Именно в таком бодром духе Софи всегда начинает свои директивы. Она считает, что затея с комитетом с самого начала была смехотворной, и ей не нравятся члены этой организации, которые неизменно оптимистичны в своем занудном стремлении сделать так, чтобы «все вокруг трудились с огоньком, превратив работу в праздник». Однако начальнику отдела кадров, коим является Софи, не следует демонстрировать свои личные симпатии и антипатии.

Она набирает:

☺ ГОСПОДА КОМИТЕТЧИКИ! НЕ ПОРА ЛИ НАКОНЕЦ УЖЕ ВЗЯТЬСЯ ЗА УМ???

Затем продолжает:

ЭЙ, НЕУДАЧНИКИ! ЗАЙМИТЕСЬ-КА ВЫ ДЕЛОМ!!!

Мимо ее офиса проходит один из торговых представителей, стучит по стеклянной перегородке и выкрикивает:

– Привет, Софи!

По-свойски выбрасывая вверх кулак, она отзывается:

– Привет, Мэтт!

Она такая притворщица.

И быстро удаляет текст, с ужасом и наслаждением думая, как отреагировали бы члены Комитета, нажми она случайно на клавишу «отправить». Представляет их обиженные, серьезные лица!

Интересно, что все-таки нужно от нее Томасу?

Неожиданно на Софи накатывают воспоминания: запах тостов с корицей, чая с коричневым сахаром и плюмерии – так пахло в доме тети Конни.

Софи почти год встречалась с Томасом, прежде чем решила порвать с ним. Это решение явилось результатом долгого и мучительного самоанализа. Да, она любила Томаса, но... Давайте разберемся, за что вообще женщины любят мужчин!

Софи знала, например, что правильно – любить мужчину за доброе сердце и неправильно – за банковский счет. Прекрасно любить его за потрясающие голубые глаза, но как-то несерьезно – за смуглые бицепсы. Если, конечно, эти бицепсы не связаны с его профессией (кузнеца или акробата) или с пребыванием в инвалидной коляске.

Но правильно или нет любить мужчину за кулинарные способности? Томас готовил как бог, а Софи любила поесть. Наблюдая, как он рубит чеснок, она таяла от желания. Съесть кусок приготовленного Томасом торта с марципаном было все равно что испытать многократный оргазм. Его ризотто с морепродуктами заставляло ее буквально рыдать от восторга. Однако не является ли такая любовь, в основе которой лежит чревоугодие, несколько поверхностной? В особенности если подчас втайне думаешь: «Не надо мне никакого торта с марципаном, только не заводи ты, ради бога, в очередной раз свою бесконечную историю о том, как регистрировал в дорожной инспекции автомобиль».

И наверное, неправильно любить человека за то, что он внук младенца Манро, а тебя всегда привлекала так называемая тайна младенца Манро? Пожалуй, это сродни тому, чтобы любить мужчину за то, что он член королевской семьи, хотя на самом деле ты влюбилась в него на маскараде, где он переоделся в крестьянина, и, обнаружив впоследствии, что твой избранник – принц, была приятно удивлена.

Софи казалось, она не любила Томаса, как он того заслуживал. Томас заслуживал, чтобы женщина с обожанием смотрела, как он, сосредоточенно наморщив лоб, паркует машину задним ходом. И чтобы его спутница умилялась, наблюдая, как он скрупулезно изучает каждую строчку «Правил безопасности для авиапассажиров», а потом десять минут кряду расспрашивает ошеломленную стюардессу о порядке действий в чрезвычайной ситуации.

И что гораздо важнее, Томас заслуживал такой любви, какой он сам любил Софи. Однажды она обнаружила в его компьютере файл, названный ее именем, и, разумеется, открыла его. Это оказалась своего рода «Памятка образцового бойфренда». Как будто Софи была механизмом, который подчиняется определенным правилам. Там имелись, например, такие пункты: «Если С. предлагает прогуляться, даже не заикаться о дожде. Это наводит на нее уныние»; «Когда С. спрашивает о планах на выходные, не говорить: „На твое усмотрение“. Это ее раздражает».

Читая эти строчки, Софи расплакалась.

Томас был привлекательным, интеллигентным, очень милым и по временам – когда позволял себе расслабиться – довольно-таки остроумным. Однако Софи начинала с ужасом думать, что может изменить ему. Однажды они ужинали в ресторане, и официант спросил ее: «Добавить вам молотого перца?» Встретившись с ним взглядом, Софи ощутила вдруг такое сексуальное желание, что пришлось отвести глаза.

Только не подумайте, что им было плохо в постели. Нет, секс с Томасом был весьма приятным, но... слишком уж деликатным. По временам, когда партнер, разыгрывая прелюдию, подолгу нежно ласкал ее, Софи ловила себя на мысли, что предпочла бы, чтобы ее грубо швырнули на кровать и взяли силой. Разумеется, скажи она об этом Томасу, он с тем

же обеспокоенно-сосредоточенным выражением лица, что и при парковке задним ходом, покорно швырнул бы возлюбленную на постель... следя, чтобы она при этом не ударилась головой. Он ведь был такой ответственный.

Так любила ли Софи Томаса? Или то была всего лишь дружеская, слегка раздражающая привязанность? Ей казалось неправильным продолжать роман, если не чувствуешь к партнеру настоящей страсти. Она склонялась к тому, что гораздо разумнее разорвать эти удобные отношения и начать поиски Того, Единственного...

Поддавшись такого рода иллюзиям, Софи опрометчиво порвала с Томасом, который был самым приятным из всех мужчин, с которыми она когда-либо встречалась.

Мало того, для разрыва с ним она выбрала неподходящий момент. Совершенно неподходящий. Софи надумала объявить ему о своем решении в пятницу, полагая, что за выходные Томас сумеет справиться с первым сильным шоком. Он был патологоанатомом, и ей не хотелось, чтобы из-за нее он напортачил на работе.

К несчастью, по какому-то ужасному совпадению, у Томаса на эту пятницу имелись свои собственные планы.

Право же, вины Софи в этом не было. Откуда бедняжке было знать, что Томас подготовил ей сюрприз: вечером они должны были лететь на Фиджи, где их ждали романтические каникулы. Томас планировал сделать ей предложение на пляже из белого песка, в лунном свете, под аккомпанемент местного струнного оркестра. Откуда ей было знать, что Томас потратил на обручальное кольцо пятнадцать тысяч четыреста двадцать пять долларов? Откуда Софи было знать, что в этой тщательно разработанной, но не слишком засекреченной операции с энтузиазмом участвовало не менее дюжины их друзей и членов его семьи? Оказывается, подружки тайком паковали для Софи самое сексуальное белье, специально нанятые люди должны были поливать во время ее отсутствия комнатные растения, а начальник согласился предоставить ей отпуск на неделю.

Естественно, со всех этих «волонтеров» взяли клятву хранить молчание, и, представьте, никто из них не проболтался! Софи разозлило, что столько народа прежде нее узнало о предстоящем предложении руки и сердца, однако теперь это, как обреченно заметил Томас, более уже не имело значения.

– Я хочу тебе кое-что сказать, – храбро начала в тот вечер Софи по пути, как она считала, к ресторану морепродуктов, хотя на самом деле они направлялись к дому его сестры Вероники, которая должна была отвезти их в аэропорт.

– Что ж, я тоже хочу тебе кое-что сказать! – произнес Томас (с ликованием, как она поняла позже). – Но давай ты первая, – галантно предложил он.

Итак, Софи заговорила первой, и его радостное лицо вытянулось и сморщилось, как у шестилетнего ребенка, который разбил коленку и вот-вот заплачет. Софи пришлось отвернуться к окну и смотреть на проезжающие машины.

Как бы все обернулось, заговори первым Томас?

Разумеется, Софи отложила бы все на неделю и полетела на Фиджи. А там бы приняла его предложение. Ну разве могла бы она ответить отказом? Только представьте, как нелепо бы это выглядело: Томас со скорбным видом отряхивает с коленей белый песок и, поднеся ладонь ребром к горлу, делает музыкантам знак остановить игру. А ведь Софи всегда так любила романтику!

– Какой же я дурак! – опустив голову и сжимая руль, простонал Томас.

Остановив машину в неполюженном месте (бедняга был настолько потрясен, что даже

не заметил знака «Парковка запрещена»), он с каким-то ликующим ожесточением торопливо изложил ей свои планы. И даже извлек из застегнутого на молнию кармашка дорожной сумки коробочку с кольцом, трогательно завернутым в оберточную бумагу.

– И вовсе ты не дурак. Это я настоящая стерва, – произнесла Софи, с виноватым видом похлопав его по руке и робко взглянув на кольцо, едва не ставшее ее собственностью: как на грех, украшение было просто великолепным.

«Интересно, – размышляла она, – очень неприлично будет попросить примерить кольцо – просто чтобы взглянуть, как оно смотрится на руке?»

– Почему-то все вокруг тебя любят, Софи, – обиженно произнес Томас. – Невзирая на то, что ты творишь.

Ей, конечно, было приятно услышать, что все ее любят, но потом она вдруг ужаснулась: как можно заниматься самолюбованием, когда у Томаса разбито сердце?!

Любили ее окружающие или нет, но в тот раз многие из тех, кто участвовал в подготовке к тайному предложению руки и сердца, сильно обиделись на Софи. Словно бы она отвергла и их тоже. Так, например, Вероника, сестра Томаса, благодаря которой они в свое время и познакомились, не разговаривала с ней потом одиннадцать месяцев. Положа руку на сердце, Софи тогда почувствовала некоторое облегчение, поскольку ладить с Вероникой было непросто. И когда сестрица Томаса наконец-то решила великодушно простить ее, Софи не смогла должным образом выказать благодарность.

Получалось, что Софи сглупила дважды. Во-первых, в поисках какого-то недостижимого призрачного идеала навсегда потеряла чрезвычайно милого, интеллигентного и привлекательного мужчину, а ведь ей самой, чего уж греха таить, было хорошо за тридцать, и жила она не где-нибудь, а в Сиднее, гей-столице мира. А во-вторых, осталась без романтических каникул и дорогого обручального кольца.

Разумеется, она понесла заслуженное наказание.

Томаса моментально прибрали к рукам, как и предсказывала мать Софи: «Не беспокойся, такой парень один не останется, его мигом заарканят!»

Отправившись сдавать путевки на Фиджи, он получил не только материальную, но и моральную компенсацию. Туроператор Дебора, симпатичная и доброжелательная девушка, прониклась к Томасу искренним сочувствием и всего несколько месяцев спустя благоразумно приняла его предложение, весьма похожее на первое, с той лишь разницей, что они отправились не на Фиджи, а в Вануату, а вместо струнного оркестра играл струнный квартет.

Что касается Софи, то она до сих пор оставалась одинокой, униженно одинокой.

За последние три года она трижды встречалась с разными мужчинами по одному разу, дважды – по два раза и ни разу не дотягивала до трех. Как-то после благотворительного бала она спьяну провела с кавалером ночь, потом, опять же в подпитии, целовалась с кем-то на маскараде, а однажды – совершенно трезвая – поцеловалась в проходе церкви, где проводили обряд крещения, с каким-то толстяком. Он взял ее телефон, но так и не позвонил! Какое унижение! После двухлетнего воздержания секс уже стал казаться Софи столь же неправдоподобным, как в шестом классе, когда на уроке им показывали волнующе наглядные рисунки Энн-Мари Мортон.

Несмотря на то что Софи добросовестно искала мужчину своей мечты: не пренебрегала никакими приглашениями, ходила на вечеринки, где почти никого не знала, вступала в клубы и записывалась в спортивные секции, она ни на йоту не приблизилась к завязыванию нового

серьезного знакомства. Софи со смехом вспоминала, как в свое время боялась изменить Томасу: интересно, с кем бы она ему изменила?

В прошлом месяце ей – о ужас! – исполнилось тридцать девять. И совершенно не важно, что она ощущает себя на двадцать пять: каждый год все равно наступает очередной день рождения. Скоро ей стукнет сорок – такая сухая, взрослая цифра, – а она по-прежнему останется Софи.

В последнее время ее биологические часы начали лихорадочно отсчитывать время: «Эй, подруга, а тебе не кажется, что надо поспешить-поспешить-поспешить?» Она ловила себя на том, что пялится на младенцев в колясках с той же жадностью, что и мужчины среднего возраста на юных длинноногих красоток. Услышав новость о том, что у Томаса родился ребенок, Софи сказала: «Ах, это чудесно!», а несколько часов спустя разрыдалась в ванной, громко восклицая: «Какая же я идиотка!»

Однако на следующий день ее природный оптимизм вновь возобладал. Повода грустить нет: она сделала неплохую карьеру и ведет насыщенную светскую жизнь. Софи совсем не похожа на одинокую старую деву с кошкой. Наоборот, она почти ни одного вечера не сидит дома, а кошек терпеть не может. Все будет прекрасно. Он где-то совсем рядом. И появится в тот момент, когда она меньше всего этого ожидает.

Кто знает, может быть, Томас хочет сегодня увидеться с Софи, чтобы познакомить ее со своим другом – высоким, смуглым и привлекательным? Забавно. Софи всегда была остроумной и веселой, этого у нее не отнимешь.

Интересно, станет ли Томас втайне злорадствовать? Несомненно, даже самый добродушный человек в подобной ситуации в душе бы слегка позлорадствовал: вон как все повернулось.

Ну и ладно, думает Софи, возвращаясь к набору очередной директивы для Комитета по контролю морального состояния сотрудников. (☺ **Нет, все-таки Фрэн придумала ужасную ерунду!** ☺) Даже если и так, не стану обижаться. Я вдребезги разбила его сердце, так что он имеет полное право. Пусть себе злорадствует, если хочет.

Остров Скрибли-Гам, 1932 год

Когда Конни сказали, что к ним пришлют репортера, она представила себе немолодого человека: этакий устрашающего вида тип с потухшими скучающими глазами, прокуренными желтыми зубами и ужасно грязными ногтями. Он станет басить: «Клевый сюжетец, детка», нетерпеливо выслушивая ее обстоятельные ответы. Поэтому Конни решила отвечать кратко, не вдаваясь в ненужные подробности. Пожалуй, она не станет предлагать ему второй бисквит.

Но в Джимми Трамe не было ничего скучного. Даже фамилия его звучала энергично: «Трам!» Он был, пожалуй, на пару лет старше ее – двадцать один, самое большее. Худощавый, с длинными руками и ногами, мальчишескими веснушками на носу и глазами необычного цвета, весело глядевшими на нее из-под полей потрепанной коричневой шляпы.

Да, жизнь в Джимми Трамe просто была ключом.

Когда Конни встретила его на железнодорожной станции, он, как большой симпатичный лабрадор, рванул к ней вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Потом, когда они поплыли к острову, Джимми Трам с галантной настойчивостью взял весла, хотя по всему было видно, что этот парень впервые в жизни сел в лодку. Сдержавшись, Конни решила не отбирать у него весла, которыми он дико и неумело молотил по воде, не стала жаловаться на ледяные речные брызги – репортер явно наслаждался, жадно вдыхая воздух и запрокидывая назад голову. Зимнее солнце освещало лицо Джимми. Он радовался как ребенок, и, глядя на него, Конни хотелось смеяться. Поэтому она отвернулась, делая вид, что восхищается полетом пеликана.

А теперь репортер Джимми Трам сидел в их доме на кухне, с жадностью допивая вторую чашку чая, доедая третий бисквит и слизывая с пальцев крошки.

Он слушал хозяйку не просто с интересом, – казалось, он совершенно захвачен ее историей.

«Надеюсь, он не выставляет меня на посмешище? – вдруг с подозрением подумала Конни. – Разве репортер из газеты должен так увлекаться?»

Если Джимми притворялся, то делал это просто безупречно. Пару раз он даже в восторге хлопнул себя по ноге.

Пока гость царапал что-то в блокноте, Конни исподтишка разглядывала его. У него была мускулистая шея. На удивление волосатые руки. Из приглаженной шевелюры кое-где торчали непокорные завитки. Как поняла Конни, делая записи, он использовал элементы стенографии. Ей удалось прочитать лишь «остров Скрибли-Гам» и аккуратно написанное собственное имя: «Констанция (Конни) Доути. Возраст: 19 лет».

– История просто потрясающая!

Джимми поднял на нее глаза. Конни так и не смогла определить их цвет и, решив ни в коем случае не показывать, что польщена, неопределенно сказала:

– Угу.

Неудивительно, что она была, честно говоря, немного... очарована. Приятно видеть в доме нового человека, да еще такого энергичного. Ведь отец и Роза подчас наводили на нее жуткую тоску! Их лица постоянно выражали оцепенение и грусть, отчего Конни иногда

всерьез хотелось схватить обоих за шиворот и хорошенько встряхнуть. Разумеется, у папы были на то веские причины. Как со вздохом говаривала покойная мама: «Во Франции воевать – это вам не по парку гулять». Ну а Розе... Розе хватит уже предаваться унынию, пора взяться за ум. Особенно теперь, когда в доме появился ребенок. Бедное, беззащитное дитя, так не вовремя пришедшее в этот мир.

Джимми перестал писать и недоуменно покачал головой:

– Так, вы говорите, чайник на плите кипел?

– Да, и пирог на столе был еще горячий. Его вынули из духовки буквально несколько минут назад.

– А что это был за пирог?

– Так называемый мраморный. Знаете?

– Это такой, со слоями разного цвета, да?

Джимми произнес эти слова с голодным видом. Увы, все бисквиты оказались съедены, и хозяйке нечем больше было его угостить. Конни пожалела, что не может попотчевать репортера настоящим ужином, подать, например, жаркое, как это бывало при жизни мамы. Как приятно было бы кормить голодного мужчину, подкладывать ему на тарелку дымящиеся куски, пока он благодарно не приложит ладонь к животу со словами: «Нет-нет, спасибо, но я больше не могу». Когда-нибудь Конни будет жить в доме, где кладовая ломится от еды, а сейчас... Это несправедливо. Парни вроде Джимми Трама не должны голодать: он такой худой (и красивый).

– Да, абсолютно верно, слои разного цвета.

– А ребенок, я так понимаю, лежал в кроватке и плакал?

– Нет-нет, – немного раздраженно ответила Конни. – Девочка улыбалась. Когда мы вошли, она проснулась и улыбнулась нам.

– Бедная крошка, – печально проговорил Джимми. – Шутка ли, родители исчезли в неизвестном направлении! Небось скучает по маме с папой?

– Она еще слишком маленькая и ничего не понимает, – твердо произнесла Конни, давая понять, что ребенок в хороших руках. Ей не хотелось, чтобы какие-нибудь богатые доброхоты прочли эту статью и явились помогать младенцу. – С девочкой все хорошо. Мы будем заботиться о ней, пока не вернутся родители.

– Если только они вообще вернутся, – заметил Джимми. – Это маловероятно, не так ли? Вы не подозреваете, что здесь дело нечисто?

– Не имею представления, – ответила Конни. – Это настоящая тайна.

– Тайна? Вы любите загадки?

Почему он так пристально смотрит на нее? Почему слишком долго не сводит с нее глаз? Неужели этот парень видит ее насквозь?

У Джимми были глаза теплого коричневого оттенка. Конни очень любила корицу. После сытного обеда она угостила бы его тертым яблоком со свежими сливками. Позже, на ужин (перед сном!), она подала бы ему два толстых тоста с корицей и чашку крепкого чая.

Может быть, она неправильно истолковала его пронизывающий взгляд? Может быть, это всего лишь проявление обычного мужского интереса? На ней ведь сегодня платье с большим вырезом. Причесываясь утром, Конни заметила, что челка красиво падает ей на лоб. Нет, дело не в челке, вон как он пялится на вырез.

– Знаете, на что это похоже? – спросил Джимми. – В точности напоминает случай с «Марией Целестой». Слышали про «Марию Целесту»?

Какая удача, что он сам об этом подумал. А она уже хотела подкинуть ему эту мысль. Прекрасный дополнительный штрих к их истории.

– Вроде бы слышала, – нарочито неуверенно сказала Конни. – Если не ошибаюсь, это корабль, да?

– Да! Лет шестьдесят тому назад судно «Мария Целеста» плыло из Нью-Йорка в Италию, и его нашли дрейфующим на волнах. Все десять человек, находившихся на борту, пропали без следа! Что произошло – непонятно! Выдвигалась масса гипотез, но правду выяснить так и не удалось.

«На борту судна было не десять, а одиннадцать человек, – подумала Конни. – Десять взрослых и одна маленькая девочка».

– Но в данном случае у нас вместо судна фигурирует дом. Это надо обыграть в статье, – воодушевился Джимми.

«Типично журналистский подход: рад-перерад, что обнаружил сенсацию», – подумала Конни, но тут же смягчилась, увидев, как взволнованно блестят его глаза цвета корицы.

А гость продолжал:

– И разумеется, есть спасшийся. Грудной младенец, девочка. Но к несчастью, она ничего не может рассказать.

– Да, – согласилась Конни.

– Тайна заброшенного дома Элис и Джека Манро. Тайна младенца Манро. Наша собственная «Мария Целеста».

Конни ободряюще взглянула на него и с невинным видом поинтересовалась:

– Кажется, вы набрали на сенсацию?

– Еще бы! Это самая настоящая бомба! Главная сенсация тысяча девятьсот тридцать второго года!

Джимми с довольным видом склонился над блокнотом и продолжил писать.

– А как давно вы работаете репортером? – спросила Конни.

Джимми чуть выпрямился и взглянул на нее смущенно и обиженно. Она сразу почувствовала к нему нежность.

– Я, вообще-то, студент, – застенчиво произнес он, приглаживая ладонью волосы на макушке, словно только что вспомнил про непослушные вихры.

Ясно: судя по всему, в газете отнюдь не считали эту историю такой уж сенсационной. И все же энтузиазм Джимми Трама вполне мог увлечь публику.

– А что думают об этом деле представители закона? – спросил он на этот раз более официальным тоном. – Полагаю, вы вызвали полицию, когда обнаружили ребенка?

Чтобы собеседник смягчился, Конни заговорила более доверительно:

– Честно признаюсь, поначалу в полиции не проявили особого интереса. И не сочли исчезновение супругов таким уж таинственным. Манро вечно задерживали арендную плату за жилье. В наше время люди сплошь и рядом бросают свои дома. Нередко они уезжают посреди ночи. И детей, кстати, тоже частенько бросают.

– Но обычно детей оставляют возле церкви или на пороге чьего-нибудь жилища. Не бросают спящего младенца одного в доме.

– Накануне Элис пригласила нас с Розой на чашку чая, – сказала Конни. – Думаю, она знала, что ребенка найдут.

– Но кипящий чайник! И горячий пирог! – Защищая свое право на сенсацию, Джимми заговорил с прежним воодушевлением: – И еще вы упоминали про опрокинутый стул и пятна

крови на полу!

– Сержант из полицейского участка Гласс-Бэй сказал, что его больше заинтересовал бы труп на полу. А так: нет тела – нет дела. Мне кажется, он отнесся бы к происшествию более серьезно, если бы заявление в полицию сделала не девчонка вроде меня, а мой отец, солидный человек. Но папа... видите ли, он не совсем здоров. Отец воевал во Франции, и его там дважды травили газом. Он немного... в общем, он никуда не выезжает с острова.

Конни чуть не сказала, что отец немного не в себе, но потом поняла, что это не относится к делу, и уж во всяком случае Джимми Траму об этом знать совершенно не обязательно. Хотя ей почему-то хотелось рассказать репортеру о том, как странно стал вести себя папа после смерти мамы и как она беспокоится за Розу, которая тоже выглядит слегка чокнутой.

Но Конни вернулась к основной теме:

– Так или иначе, сержант наконец появился и стал шнырять по дому, неопределенно хмыкая и почесывая в затылке. Он сказал, что пятна на полу не обязательно от крови. Когда войдем в дом, сами посмотрите. Мне кажется, это определено кровь. Пообещал, что, если Манро не появятся, он заглянет к нам на следующей неделе. Похоже, сержант уверен, что они вернутся за ребенком. Я понимаю, он сильно занят и, наверное, считает меня глупой молодой девицей, которая понапрасну подняла панику и вынудила его приехать на Скрибли-Гам. Люди почему-то уверены, что добраться до нашего острова – огромная проблема. Можно подумать, мы живем на луне.

– Я не считаю вас глупой молодой девицей.

– Благодарю.

Их глаза встретились, оба отвели взгляды и беспокойно заерзали на стульях.

– Не важно, что до вашего острова неудобно добираться, – вдруг произнес Джимми. – Скрибли-Гам такой красивый. Вам повезло, что вы здесь живете. Не понимаю, почему люди не приезжают сюда на пикники.

«На пикники. Вот именно, – подумала Конни. – Начнется с пикников. А потом люди будут пить девонширский чай со сливками».

С противоположного конца коридора послышался звук, напоминающий мяуканье котенка, и Джимми оторвался от блокнота.

– Это младенец Манро? – спросил он, словно удивившись, что разговор их получил живое подтверждение.

– Да, – ответила Конни. – Сестра сейчас к нему подойдет.

Однако девочка все плакала и плакала. Джимми и Конни переглянулись, а потом хозяйка отправилась разыскивать Розу и нашла ее за швейной машинкой. Та с застывшим выражением лица уставилась в окно. Конни спросила:

– Ты что, не слышишь – ребенок плачет?

Роза вздрогнула от неожиданности и ответила:

– Ах, извини, я увлеклась шитьем.

– Шитьем, говоришь? А где же в таком случае ткань? – откликнулась Конни, подумав: «С моей сестренкой определено что-то не так».

Она взяла на руки ребенка, который перестал плакать и зачмокал – видимо, сильно проголодался. Отправляясь с малышкой на кухню, Конни подумала, что за младенцами ухаживать совсем легко, кто угодно справится.

– Джимми, познакомьтесь с нашей маленькой Энигмой. [\[1\]](#)

Но Джимми даже не взглянул на ребенка. Вместо этого он пристально уставился на лоб девушки.

– Конни, я хотел вас спросить... Извините за любопытство, у вас есть... э-э-э... друг сердца?

«Сегодня появился», – подумала Конни Доути и, пряча улыбку, зарылась носом в душистые складки младенческой шейки.

(Отрывок из брошюры «Тайна младенца Манро», которую получает каждый посетитель Дома Элис и Джека на острове Скрибли-Гам, Сидней, Австралия)

Добро пожаловать в таинственный, «застывший во времени» Дом Элис и Джека Манро! Мы будем очень рады, если экспозиция вас заинтересует, но убедительно просим ничего не трогать! Нам важно сохранить историческую достоверность. Этот дом, построенный в 1901 году, необитаем с 15 июля 1932 года. В тот день сюда зашли к соседке на чашку чая две юные сестры, Конни и Роза Доути. Они обнаружили на плите закипающий чайник, на столе – свежее испеченный мраморный пирог, а в кроватке – крошечную голодную девочку. Однако при этом нигде не было никаких следов ее родителей, Элис и Джека Манро.

Что же здесь произошло? Единственными признаками возможного насилия были несколько капель засохшей крови на полу кухни и опрокинутый стул. (Пожалуйста, не пытайтесь заглянуть под стул.) Тела Элис и Джека так и не были найдены, и даже семьдесят лет спустя их исчезновение остается одной из самых знаменитых неразгаданных тайн Австралии.

Сестры Конни и Роза забрали младенца к себе и вырастили как родного ребенка. Они назвали девочку Энигма – нетрудно догадаться почему. Конни, Роза и маленькая Энигма (теперь уже бабушка Энигма!) по-прежнему живут на острове Скрибли-Гам, как и две дочери Энигмы, Маргарет и Лаура, со своими семьями.

Примечание. Понятно, что мраморный пирог, который вам покажут во время экскурсии и которым угостят по ее окончании, не тот самый, а свежий, испеченный по оригинальному рецепту Элис. Каждому посетителю полагается один бесплатный кусочек!

Глава 6

Грейс Тайдимен видит сон. Веки ее беспокойно трепещут. Это один из тех неприятных, путанных снов.

Тетя Конни очень сердится на нее. Наливая в чашку Грейс чай из голубого фарфорового чайника, она отрывисто произносит: «Разумеется, я не умерла! Как только тебе такое взбрело в голову?»

Грейс в смятении пытается вспомнить, почему она вдруг так решила. Неожиданно, к ужасу Грейс, тетя Конни ставит чайник на стол, запрокидывает голову и, сморщившись, начинает плакать, как младенец. Грейс закрывает уши ладонями, хотя понимает, что это невежливо. Она не в силах больше слышать этот пронзительный детский крик, слетающий с уст тетушки. А крик все не смолкает.

«Прости! – вопит Грейс. Она ужасно сердита на Конни. – Я не хотела тебя обидеть! Я и правда думала, ты умерла!»

– Грейс! Малыш плачет. Принести его тебе?

– Ммм. Что? Ах да. Ладно. Хорошо.

Грейс чувствует, как муж встает с постели. Она плотно прижимает пальцы к закрытым глазам и рывком садится.

Тетя Конни умерла, вспоминает она. Умерла вчера.

Грейс слышит пронзительный вопль сына и голос Кэллума:

– Проголодался, дружок?

Она включает лампу и щурится. Ее руки, лежащие поверх пухового одеяла, выглядят в свете лампы как-то странно, словно чужие. Грейс вспоминает историю об американском альпинисте, которому пришлось ампутировать себе руку, потому что ее придавило валуном. Она представляет, как рвет собственную плоть, усердно отпиливает твердую белую окровавленную кость – спасается.

Появляется Кэллум с ребенком на руках.

Грейс думает: «Уйди, пожалуйста, уйди» – и произносит:

– Иди сюда, милый.

Я точно помню, как Конни говорила, что хочет, чтобы ее похоронили в том прелестном бордовом костюме, который она надевала на свадьбу Грейс.

– Энигма, ты ужасная выдумщица.

– Да ничего подобного! Это было в тот день, когда мы ходили на ланч в «Наследие». Я похвалила ее костюм, и Конни сказала что-то насчет того, что наденет его на похороны.

– Она сказала, что собирается надеть его на похороны Молли Траскер, а вовсе не на свои собственные! Помню, как Конни говорила, что вообще не видит смысла в том, чтобы одевать покойников. Мол, ни к чему понапрасну переводить хорошую ткань. «Я пришла в этот мир голой и уйду из него в том же виде» – вот что она заявила.

– Она шутила, Роза! Надеюсь, ты не собираешься хоронить родную сестру в голом виде?!

– Почему бы и нет? Это ее здорово рассмешило бы.

Марджи Гордон слушает болтовню матери и тети Розы, нарезая к чаю миндальный торт. Чтобы успокоиться, она берет и себе маленький кусочек. Трудно придерживаться диеты, когда предстоит подготовка к похоронам. Маргарет в смятении прикидывает, сколько дел ей придется переделать в ближайшие несколько дней. Так что немного сладкого не помешает.

– Полагаю, Конни где-то записала, во что хочет быть одетой, – разливая чай, говорит она. – Вы же знаете, какая она предусмотрительная.

Была. О господи, просто невозможно представить себе мир без Конни! Кажется, что без ее железной уверенности, безапелляционных заявлений, стремительных решений на острове все развалится на кусочки. От этой мысли Марджи начинает подташнивать. Как они будут теперь обходиться без нее?

Марджи испытала настоящее потрясение, обнаружив вчера утром мертвую Конни: болезненно-серое лицо на подушке, щелки остекленевших глаз, ледяной лоб, до которого ей пришлось дотронуться. На миг Марджи охватило детское желание убежать и позвать взрослых, но, разумеется, взрослой была она сама – пятидесяти с лишним лет, и уже внучка есть, – так что пришлось ей взять себя в руки. А теперь придется позаботиться о похоронах.

– Конни всегда очень шел бледно-голубой цвет. – Роза берет чашку с чаем, и ее рука, покрытая старческими пятнами, заметно дрожит. – Разумеется, не слишком бледный.

У Розы сегодня какой-то беспомощный вид, и это беспокоит Марджи. Даже ее красивый кардиган персикового цвета застегнут неправильно, что совсем не похоже на Розу.

– Конни могла высказать свои пожелания по поводу одежды, когда принесла тот куриный суп с овощами, – говорит мать Марджи, Энигма. Глаза ее блестят от слез, но пышные седые волосы и розовые щеки, свидетельствующие о крепком здоровье, словно бросают смерти вызов. – «Положи это в морозильник, Энигма», – сказала она тогда. Помню, я еще спросила: «Господи, Конни, для чего эти запасы? Разве ты уезжаешь?» Кто же мог подумать, что продукты пригодятся на поминках.

Три женщины умолкают, плечи у всех разом поникают, и Марджи чувствует, как их обволакивает печаль.

– Сегодня вечером Томас встречается с Софи, – говорит она.

– Это хорошо, – откликается Роза. – Интересно, что она скажет?

– Может быть, они снова будут вместе! – оживленно произносит Энигма, с легкостью забывая о том, что у Томаса есть жена и ребенок.

– Ах, мама, не будь смешной, – отрывисто замечает Марджи, которая тоже в глубине души хотела бы этого.

Томас вовсе и не думает злорадствовать, и первые несколько минут свидания в баре «Риджент» протекают удивительно приятно, особенно если вспомнить их последнюю встречу: он тогда вручил Софи бельевую корзину, в которую сложил все ее подарки, письма и открытки, полученные за время романа.

Софи спрашивает Томаса о дочери, и тот рассказывает о ней с гордостью и радостью. Очевидно, он очень счастлив. Он так счастлив, что, пожалуй, ему нет нужды дуться. Он выше обид.

Слушая, как ее собеседник подражает междометиям «р-р» и «мяу», которые превосходно воспроизводит Лили, когда видит собачку или киску («Сама, без всякой подсказки!»), Софи понимает, что всегда будет любить Томаса – чуть-чуть.

Но, глядя на его намечающийся двойной подбородок, она осознает также, что разрыв с ним – не самая большая ошибка в ее жизни. Она не хотела бы оказаться на месте Деборы и сидеть дома с миленькой, рычащей и мяукающей крошкой Лили. Нет, правда, она предпочитает оставаться одинокой Софи, отчаянно нуждающейся в мужчине. Эти откровения приносят ей огромное облегчение, она берет целую пригоршню арахиса и, откинувшись на стуле, с удовольствием внимает Томасу.

Наконец он переходит к делу:

– Так вот, как я уже сказал по телефону, вчера умерла тетя Конни.

– О, мне очень жаль, – говорит Софи. – Она была такой милой старушкой.

На самом деле тетя Конни внушала Софи некоторый ужас, но теперь, когда она умерла, вполне подходит эпитет «милая».

Томас откашливается:

– Я хотел увидеться с тобой вот по какой причине: я просматривал ее бумаги и... Одним словом, тетя Конни упомянула тебя в своем завещании.

– О господи! Вот так сюрприз!

Софи чувствует себя неловко. Раньше никто ничего не оставлял ей по завещанию, и Софи кажется, что если человек проявил по отношению к тебе подобную чуткость, то кончина этого человека должна тебя потрясти. В идеале она должна быть убита горем, должна выплакать все глаза и, хлюпая носом, комкать промокший носовой платок. Несомненно, уровень ее скорби должен намного превышать отметку «немного грустно». Но в то же время Софи польщена и даже – страшно в этом признаться – испытывает некоторую алчность. А вдруг ей отписали что-то действительно симпатичное, например антикварную тарелку или прелестное старинное украшение?

Стараясь не выдать свою заинтересованность, она спрашивает:

– И что же конкретно она мне завещала?

Томас ставит стакан на подставку и встречается с ней взглядом:

– Тетя Конни завещала тебе свой дом.

– Свой дом?

– Угу.

– Тот самый, на острове Скрибли-Гам?

– Ну да.

Софи потрясена. Престарелая тетушка ее бывшего парня, женщина, которую она едва

знала, завещала ей свой дом. Красивый дом. Необыкновенный дом.

Это совершенно неуместно. Софи чувствует себя виноватой и краснеет.

Ну да, краснеет. Софи вообще легко краснеет. И в этом нет ничего милого или забавного. Это явление имеет научное наименование: «идиопатическая черепно-лицевая эритема», или, говоря попросту, «интенсивное покраснение лица». Увы, это не та прелестная нежно-розовая краска, постепенно заливающая девичью шейку, а горящие пятна свекольного оттенка, которые не сможет проигнорировать даже самый тактичный человек и которые заметит даже наименее наблюдательный. Софи не спасает даже ее светлая кожа. («Как тонкий фарфор», – с гордостью говорит ее мать. «Как у покойницы», – говорит ее подруга Клэр.)

Софи начала краснеть с семи лет. Она прекрасно помнит, как это случилось впервые. Однажды утром мать высадила ее у школы, и Софи побежала было на игровую площадку, но тут услышала автомобильный гудок и обернулась. Мама, высунувшись из окна машины, размахивала ее любимой плюшевой игрушкой и кричала: «Софи, детка, ты не забыла поцеловать на прощание медвежонка?» Эту крайне унижительную сцену наблюдали с десяток ребятишек, включая и Бруно Триподополуса, самого порочно-обаятельного мальчика из их класса. Двенадцать лет спустя Софи в течение двух недель встречалась с Бруно Триподополусом, и они много и активно занимались сексом, разговаривая лишь в случае крайней необходимости. Но уже тогда, в семь лет, когда Софи и понятия еще не имела о сексе, какая-то ее часть, наверное, знала, что он в этом преуспеет. Услышав, как Бруно издает губами чмокающие звуки, девочка опешила. Ее лицо запылало багровым цветом. Бруно перестал хихикать и взглянул на одноклассницу с научным интересом, предлагая друзьям пойти и посмотреть, что за фигня приключилась с рожей Софи. Мама моментально осознала свою чудовищную ошибку и быстро спрятала медвежонка, но было уже слишком поздно. С этого времени к Софи приклеился ярлык «Помидорка».

«Какие бывают помидорки? – вопили, бывало, мальчишки, сдавливая себе щеки, как у горгулий. – Как лицо у Софи, словно рожа у Софи!» – «Ах, бедняжка так стесняется, – с притворным сочувствием хихикали девчонки. – Наша бедная Софи ужасно робкая». До конца того учебного года она каждую переменку пряталась под лестницей вместе с другим изгоем, мальчиком Эдди Риплом, у которого был сильный нервный тик: все лицо так и перекашивало. Они слыли в школе тормозами и припадочными. В конце концов Эдди куда-то переехал, а Софи, подобно тому как толстые дети учатся всех потешать, научилась быть необычайно общительной и стала в конце концов до такой степени популярной, что в средней школе ее даже выбрали лидером. А теперь она спокойно может пойти на вечеринку к незнакомым людям и через пять минут оказаться в центре самой шумной компании, вызывая всеобщую зависть. Однако Софи так и не удалось преодолеть эти приступы, когда она мучительно краснеет, причем случается все обычно в самый неподходящий момент. Вот и сейчас она с пылающим лицом говорит Томасу:

– Должно быть, это какая-то ошибка. Твоя тетя не могла завещать мне дом. Это просто нелепо.

Томас старательно отводит взгляд. Он один из тех людей, кто испытывает мучительное смущение, когда Софи краснеет. Пожалуй, они действительно совершенно несовместимы.

– Но я сам видел документы, – говорит он. – Никакой ошибки нет.

Софи достает из стакана кусочек льда и прикладывает его ко лбу.

– Но было бы логично предположить, что она оставит дом тебе или Веронике. Или вашей кухне – той красотке, которая сочиняет детские книги. Вероника сказала, что у нее

недавно родился ребенок. Как ее зовут? Грейс?

– Да, Грейс. Так вот, Грейс только что переехала в дом своей матери на острове. Тетя Лаура на год отправилась в путешествие, и Грейс с мужем строят себе жилье. Может быть, тетя Конни подумала, что еще один дом им не нужен. Как бы то ни было, она оставила всем нам троим деньги.

– Но она меня почти не знала! И потом... мои отношения с вашей семьей не такие уж хорошие, верно? – (Томас чуть заметно улыбается и ничего не отвечает.) – А что говорит по этому поводу твоя мать? О господи, а Вероника? Надеюсь, они не думают, что я каким-то образом манипулировала твоей тетей? Я лишь хвалила при ней дом, совершенно искренне. Но это вовсе не значит, что я хотела заполучить его!

– Знаю, – кивает Томас. – Я был при этом.

Однако Софи мучит чувство вины, потому что такого рода вещи происходят с ней всю жизнь, правда в гораздо меньших масштабах. Она искренне восхищается какой-нибудь вещью, и вскоре человек, которому эта вещь принадлежит, начинает упорно предлагать принять ее в дар, отчего Софи сильно краснеет. «Дорогая, не расточай такие неуместные похвалы, – советует ей мать. – У тебя глаза начинают при этом сильно блестеть».

Возможно, когда Софи бывала в доме тети Конни, у нее так же блестели глаза, потому что дом ей и впрямь нравился. Невероятно нравился.

– Что касается Вероники, – говорит Томас, – то она еще ничего не знает, но – ты права – наверняка сильно расстроится. Слышала про ее последнюю идею? Моя сестричка собирается написать книгу под названием «Тайна младенца Манро». Она поспорила с папой, что разгадает эту загадку. Вероника как раз расспрашивала тетю Конни накануне ее смерти. Мама думает, что она могла заговорить бедную старушку до смерти. Во всяком случае, насколько я знаю свою сестру, она все же захочет дописать книгу и, уж конечно, не отказалась бы заполучить дом тети Конни. Видишь ли, после развода Вероника еще окончательно не устроилась. Живет в доме с соседями и доводит их до умопомешательства. Они мирятся с ней только потому, что им нравится ее стряпня. Так или иначе, я не удивлюсь, если Вероника надумает опротестовать завещание.

– Ну вот и решение проблемы! – облегченно произносит Софи. Она чувствует, как краска сходит с ее лица. – Это же очевидно. Я не возьму дом. Пусть его забирает Вероника!

– Думаю, тетя Конни предвидела подобный поворот, – возражает Томас. – Она оставила тебе письмо.

Он вынимает из кармана пиджака простой белый конверт с надписью «Софи», четко выведенной черными чернилами.

– Прежде чем что-то решать, прочитай письмо. Если поймешь, что дом тебе все-таки нужен, тогда я не позволю Веронике опротестовать завещание.

– Ты очень добрый, – благодарит его Софи.

Пожав плечами, Томас слегка кривит губы. Она достает письмо, медленно читает его, затем аккуратно складывает, убирает обратно в конверт и кокетливо, ласково улыбается Томасу:

– Пожалуй, я бы хотела оставить дом себе.

Он улыбается ей в ответ:

– Я в этом и не сомневался. – Потом он открывает портфель и вынимает контейнер с куском марципанового торта. – Вот. Твой любимый.

Похоже, Томас тоже все еще любит ее, совсем чуть-чуть.

«Считаете, что с вами несправедливо обошлись в завещании?»

Руки Вероники замирают посреди процесса энергичного втирания в волосы шампуня, придающего экстраобъем тонким волосам.

«Не огорчайтесь и не опускайте руки: у вас есть право опротестовать его».

Вероника так резко отодвигает шторку душа, что пластиковые кольца со стуком разлетаются по полу. На шкафчике стоит радиоприемник. Не выключая воду, она гольшом бросается к приемнику по мокрым плиткам, чтобы максимально прибавить громкость.

«НАША АДВОКАТСКАЯ ФИРМА СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ЗАВЕЩАНИЯХ. ХОТИТЕ ОФИЦИАЛЬНО ОПРОТЕСТОВАТЬ ЗАВЕЩАНИЕ? МЫ РАЗЪЯСНИМ ВАМ ВАШИ ЗАКОННЫЕ ПРАВА. ПОЗВОНИТЕ НАМ ПРЯМО СЕЙЧАС ПО НОМЕРУ...»

«Ручка!» – лихорадочно думает Вероника.

Она в отчаянии записывает номер пальцем прямо на запотевшем зеркале, а потом открывает дверь ванной и высовывает намыленную голову в поисках проходящего мимо соседа. В глаза текут струйки шампуня.

– Эй, встал уже кто-нибудь? Мне срочно нужна ручка!

С дальнего конца коридора доносится страдальческий вопль:

– Вероника! Вам известно, сколько сейчас времени?

– С добрым утром! Сейчас шесть часов, всех ждет прекрасный день, и мне нужна ручка!

Вероника выдвигает ящик шкафчика, достает губную помаду и обводит исчезающие цифры ярко-красным цветом. Она чувствует себя находчивой и решительной.

«Ну как тетя Конни могла быть такой жестокой?! Подумать только – оставить дом Софи!»

- Знаешь, какая новость? Умерла тетушка Томаса, тетя Конни. И представь, она оставила мне кое-что по завещанию.
- Как мило с ее стороны! Какую-нибудь симпатичную безделушку?
- Вроде того. Она завещала мне свой дом.
- Что??? Софи, милая, боюсь, тебе следует немедленно отказаться.
- Мама, но она действительно хотела, чтобы я его получила.
- Хочешь сказать, она завещала тебе дом на острове Скрибли-Гам? Тот самый?
- Да, тот самый дом.
- Правда? Ну и дела! Вот так поворот! Но, господи, Софи, тебе не кажется, что после истории с Томасом все это выглядит как-то странно, а? Послушай, давай я перезвоню попозже. Начинается реалити-шоу «Выжить в лесу». Ты не забыла? Хочешь, запишу для тебя на кассету?
- Нет-нет. Я тоже смотрю. Перезвони мне в первую же рекламную паузу.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА САЙТ ОСТРОВА
СКРИБЛИ-ГАМ
«МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ – БОЛЬШАЯ ТАЙНА»
Вы – посетитель № 1 223 304!

Об острове
Тайна младенца Манро
Мероприятия
Где можно перекусить
Календарь событий
Как добраться
Свяжитесь с нами!

Об острове

Остров Скрибли-Гам – одно из самых привлекательных в Австралии мест для туристов. Расположенный к северу от Сиднея, на широкой, полноводной реке Хоксбери, поблизости от Гласс-Бэй, остров получил свое название в честь растущих там красивых деревьев. Скрибли-гам – так традиционно называют здесь эвкалипты с бледно-кремовыми стволами, исчерченными темно-коричневыми линиями: словно кто-то взял перо и разрисовал их! На самом деле эти линии оставляют крошечные личинки мотыльков.

Самыми известными обитателями острова Скрибли-Гам были Элис и Джек Манро, которые, оставив двухнедельную дочку, таинственным образом исчезли из своего дома в 1932 году, на пике Великой депрессии. Посетители могут осмотреть **Дом Элис и Джека**, сохранившийся в неизменном виде с тех пор, когда сестры Доути, Конни и Роза, обнаружили младенца Манро. Вы можете также выпить чаю со сливками в компании крошки Энигмы (теперь уже бабушки!) и сестер Доути.

Семья Доути владеет островом начиная с 1882 года, когда бедный кузнец по имени Гарри Доути выиграл пари у богатого владельца, сэра Чарлза Маккея. Пари было заключено по поводу исхода международного матча по крикету, проводившегося в Англии. Австралия никогда не побеждала Англию вне дома, и на этот раз шансы тоже были минимальные. Сэр Чарлз безапелляционно заявил: «Спорю на этот остров, что Австралия не выиграет!» Он-то, разумеется, думал, что ничем не рискует, но... Только представьте: Австралия разгромила-таки Великобританию в сенсационном матче, вошедшем в историю как «Смерть английского крикета». Сэру Чарлзу пришлось отдать остров Гарри Доути, к бурному ликованию последнего (заметим в скобках, что сам кузнец превосходно играл в крикет, что неудивительно).

В наши дни единственными постоянными жителями острова являются внуки Гарри Доути, Конни и Роза, а также их воспитанница крошка Энигма и две ее дочери (Маргарет и Лаура) со своими семьями.

Остров Скрибли-Гам – идеальное место для проведения выходных. Там есть

чем заняться!

- Посетите загадочный Дом Элис и Джека и узнайте больше о **Тайне младенца Манро**. Это обязательный атрибут! Экскурсия стоит всего 15 долларов для взрослых и 10 долларов для детей.

- Отдохните в **кафе «У Конни»**. Здесь вы найдете самые восхитительные в Австралии кексы с черникой и чай со сливками!

- Порадуйте детишек: Роза Доуги всего за 10 долларов мастерски раскрасит личико вашего малыша!

- Позаботьтесь о естественном румянце – пройдите по специально проложенным тропам, пересекающим остров во всех направлениях. Поднимитесь на смотровую площадку **Кингфишер**, переведите дух и получите заслуженную награду: насладитесь потрясающей панорамой острова и созерцанием удивительных скал из песчаника, которые обрамляют берега реки Хоксбери, сверкающей на солнце, как сапфир.

- Гуляя по лесу в центральной части острова, вы увидите **удивительные растения**: банксию, элеокарпус, карликовые яблони и, разумеется, знаменитые эвкалипты скрибли-гам. Приготовьтесь встретить белощеких осоедов, карликовых поссумов, священных зимородков и черных змей с красным брюшком!

- Освежитесь купанием, а затем устройте пикник у подножия Салтана-Рокс, скалы на южной оконечности острова. В кафе «У Конни» продаются специально укомплектованные корзины для пикников.

- Не пропустите призрак Элис Манро. Говорят, когда наступают сумерки, она бродит по острову в красивом зеленом платье. (Не бойтесь: привидение вполне дружелюбное!)

***ВНИМАНИЕ!!!** Установка палаток категорически запрещена. Все приезжие обязаны покинуть остров не позже восьми часов вечера. Это правило должно соблюдаться неукоснительно.*

Однажды, давным-давно, Грейс оставила Кэллуму в микроволновке любовное письмо.

Дорогой Кэллум!

Вот пять причин, почему я люблю тебя.

1. Ты танцуешь со мной, хотя я совершенно не умею танцевать.

2. Ты покупаешь шоколад «Фрут энд нат», хотя предпочитаешь безвкусный «Деари милк».

3. У тебя огромные ступни пещерного человека.

4. Ты смеешься над ужасными шутками своей мамы.

5. У тебя сзади на левом плече три маленькие родинки.

С любовью, твоя Грейс.

P. S. ВНИМАНИЕ! Чтобы ничего не разбрызгалось, накрой тарелку пленкой!

Она и сейчас иногда по-прежнему оставляет мужу письма в микроволновке, но теперь они состоят только из одного слова, написанного заглавными буквами: «ПЛЕНКА!»

Это происходит на следующий день после смерти тети Конни: Грейс впервые остается одна с ребенком. Кэллум брал двухнедельный отпуск, но сегодня он должен выйти на работу. Итак, у них началась новая жизнь, в которой они играют роли мамы и папы.

– Если хочешь, я могу взять еще несколько дней за свой счет, – предлагает муж, когда они садятся завтракать. – Все-таки у меня умерла родственница.

– Ничего, я справлюсь, – говорит Грейс.

На самом деле она сегодня проснулась с ужасной мигренью. Такое чувство, будто голову расплющили, как картофель для пюре. Грейс осторожно прикасается к голове кончиками пальцев, но с удивлением обнаруживает, что та по-прежнему твердая, а не мягкая.

Она вспоминает свой ужасный сон про тетю Конни. Может быть, мигрень у нее разыгралась от переживаний? Да нет, вряд ли. Когда Грейс вспоминает, что тетя Конни умерла, то не чувствует абсолютно ничего. Не подумайте, Грейс очень любила тетю Конни. Просто у нее сейчас нет времени что-либо чувствовать. Забота о ребенке напоминает Грейс некий нескончаемый экзамен, вселяющий в нее настоящий ужас. Жизнь ее идет по кругу, где все подчинено одному. Накормить ребенка. Поменять ребенку подгузник. Искупать ребенка. Убаюкать ребенка. Немедленно подойти к ребенку, как только он опять проснется.

Когда все это закончится? Когда у нее появится время, чтобы думать и чувствовать снова? Вероятно, не раньше чем ребенок достигнет подросткового возраста и сможет самостоятельно заботиться о себе. Хотя, разумеется, подросткам тоже необходимо уделять внимание: надо следить, чтобы они не попробовали наркотики, учить их водить машину и пользоваться презервативами. Грейс хочется сказать Кэллуму: «Что мы наделали? Наверное, мы сошли с ума! Нам ни за что не справиться!»

Однако Кэллум как раз таки вполне справляется. Он невозмутимо носит сынишку на одной руке, а в другой держит телефон. Если малыш ни в какую не хочет засыпать, Кэллум вальсирует с ним по комнате, напевая сонату для скрипки № 2 Моцарта.

Ее муж работает учителем музыки в средней школе. Он рассказывает Грейс о так называемом эффекте Моцарта, объясняя, каким образом классическая музыка может развить

у их Джейка пространственно-временную мотивацию. Что бы это ни было, Грейс не сомневается, что самой ей этого точно недостает. Маловероятно, чтобы мать в свое время напевала ей Моцарта.

Впервые Грейс увидела Кэллума, когда тот танцевал. Это было на свадьбе их общих друзей. Грейс, сидя за столом, пила шампанское, чтобы заглушить вкус отвратительного крем-брюле, и в этот момент обратила внимание на парня, в облике которого, несмотря на прекрасно сшитый костюм, было что-то нескладное. Чересчур широкие плечи, чересчур длинные руки. Но, господи ты боже мой (как сказала бы бабушка Энигма), до чего же здорово танцевал этот мужчина! Он двигался невероятно естественно и при этом не ухмылялся самодовольно: «Да-да, все мы знаем, что я лучший танцор в зале». Грейс быстро поставила бокал с шампанским, решив, что изрядно напилась, потому что никогда в жизни не испытывала столь внезапного влечения к незнакомому мужчине. При виде этой танцующей гориллы она таяла как масло.

Ей уже исполнилось тридцать, но никогда прежде она не влюблялась так сильно и стремительно, да чего уж там – она вообще ни разу не влюблялась. Грейс всегда считала, что она не из тех, кто может потерять голову от любви, а уж тем более – от любви с первого взгляда. Она была такой расчетливой, такой здравомыслящей. Романтические сцены в фильмах вызывали у нее усмешку, Грейс не выносила их, подобно тому как другие женщины отводят взгляд от экрана, если там демонстрируют кровавые сцены. Когда на лицах мужчин-героев появлялось это слащавое выражение, у нее сразу возникало необъяснимое желание чихнуть.

Так что, когда Кэллум заехал за ней (это было их третье свидание, и они собирались в кино) и Грейс, с бьющимся сердцем и дрожью в коленях, открыла дверь, чувство это было настолько новым для нее, что бедняжка подумала: «О господи, кажется, у меня начинается грипп!» Когда до Грейс наконец дошло, что любовные песни, передаваемые по радио, начали звучать так трогательно, поскольку она сама влюбилась, она словно обнаружила в себе скрытый талант: вот так однажды просыпаешься и понимаешь, что умеешь петь. Так, выходит, она вовсе не «бесчувственная фригидная сучка» (последние слова ее бывшего бойфренда, перед тем как тот бросил трубку). Она настоящая, полноценная женщина с горячей кровью, влюбившаяся в школьного учителя музыки, который внешне смахивал на грузчика, но, прикрыв глаза, играл на виолончели. Этот удивительный мужчина носил обувь двенадцатого размера, выигрывал призы на конкурсах бальных танцев и ел спагетти прямо из кастрюли, слушая симфонии. И все в Грейс, казалось, приводило этого мужчину в восторг: каждая ее мысль, каждое чувство и воспоминание. Целуя Грейс при встрече и расставании, он обыкновенно начинал кружить ее в вальсе или, прижавшись щекой к щеке, вел в волнующем танго. Муж фактически никогда не танцевал с ней, потому что она не умела. «Ты просто не хочешь, – говорил Кэллум. – Ну же, милая, давай пошевеливайся!» Но когда потом он, бывало, опустит Грейс на пол и поцелует, она думает: «Господи, и за что мне такое счастье?»

Разумеется, сейчас, спустя четыре года, оказалось, что они самая обыкновенная, заурядная, среднестатистическая супружеская пара. И это ее вполне устраивает. В конце концов, Грейс всегда была реалисткой. Теперь Кэллум не так уж часто кружит жену по комнате, и это нормально. Естественно, с годами страсть ослабевает, и неизбежно возникают эти вспышки раздражения, похожие на зажженные спички.

Например, сейчас, за завтраком.

– Ты точно не против, чтобы я вышел на работу? – спрашивает Кэллум.

Он ест хлопья с орехами, и каждый раз ложка звякает о его зубы. Когда Грейс смотрит телевизор, она трясет ногой. Он звякает ложкой, она трясет ногой. Считай, квиты. Одна раздражающая привычка уравнивается другой.

– Я же сказала, что нет!

– Ладно, не злись, я просто спросил.

– Или, может, ты думаешь, что без твоего пригляда я уроню ребенка?

Грейс втайне опасается, что именно это и произойдет, а потому говорит сердитым, саркастическим тоном.

Однажды Кэллум спросил жену, почему она иногда разговаривает с ним так, словно ненавидит его. «Это не так!» – удивившись, виновато сказала она тогда.

– Я вовсе не думаю, что ты уронишь малыша, – говорит он сейчас примирительно; муж умеет держать себя в руках. – Просто мне кажется, ты сегодня немного бледная.

– Спасибо за заботу, но я в порядке.

Грейс не рассказывает Кэллуму о головной боли. Она хочет, чтобы он вернулся на работу. Может быть, без него ей будет проще. И она перестанет наконец волноваться, что муж заметит, какая она плохая мать. Может быть, вся проблема как раз в этом.

– Я договорюсь, чтобы после обеда меня отпустили на похороны, – обещает Кэллум.

– Хорошо, – небрежно откликается Грейс.

Она смотрит, как муж встает, потягивается и идет к выходу, а его тарелка остается на столе.

– Пойду переоденусь.

– Неужели так трудно поставить тарелку в раковину?

– Извини.

Вернувшись к столу, он покорно ставит тарелку в раковину и добросовестно наполняет ее водой.

Грейс продолжает есть тост. Кэллум кладет ладонь ей на плечо, а она наклоняет голову и прижимается щекой к его руке.

Стычка – перемирие! Таким представляется Грейс брак, по крайней мере их собственный.

С тарелкой она настояла на своем. И почувствовала, что мужу неловко. Надо отдать ему должное: с момента рождения ребенка он проявляет огромное терпение.

«Кэллум Тайдимен», – представился он ей на той свадьбе: дело было уже поздно вечером, когда все ждали за дверями гостиной новобрачных, чтобы проводить их в свадебное путешествие. Благодаря незаметной уловке со стороны Грейс они с Кэллумом оказались рядом. После танцев он был потным и растрепанным, рубашка на спине выбилась из брюк.

Он продолжал: «Но на самом деле я вовсе не аккуратист, а, наоборот, неряха, каких поискать. Я восстал против своей фамилии».^[2]

«Ну, тут нечем гордиться», – сказала Грейс строго, но в то же время кокетливо, с удивлением отметив, что держится с ним иначе, чем с прочими мужчинами.

В тот момент она ни за что не поверила бы, что когда-нибудь они будут ссориться из-за мокрого полотенца, оставленного на кровати, или что вид немой тарелки с остатками хлопьев вызовет у нее желание биться головой о стену. Теперь, когда Грейс слышит предназначенную для других шутку Кэллума об «аккуратисте», она лишь криво улыбается. Ха-ха-ха, очень смешно.

Ну а с тех пор как они переехали сюда, в дом на острове Скрибли-Гам, где прошло ее детство, все стало еще хуже.

Даже несмотря на то, что ее мать Лаура сейчас находится очень далеко, в тысячах милях отсюда – совершает тщательно спланированное турне по миру, – Грейс постоянно ощущает ее присутствие. Она ловит себя на том, что подносит стаканы к свету и, прищурившись, смотрит, нет ли на них разводов. Раз в три дня она надевает длинные желтые резиновые перчатки и, встав на колени, яростно отскабливает кухонный пол.

– Ноги! – резко бросает она Кэллуму, едва тот открывает дверь, и смущенно ждет, когда муж сбросит ботинки.

– Думаешь, мамаша сотрет тебя в порошок, если мы оставим в доме следы своего пребывания? – спросил он недавно.

– Вот именно, – кивнула Грейс. – Ты же знаешь, она просто помешана на аккуратности.

– По-моему, – сказал тогда в ответ Кэллум, – нам не стоит здесь жить, если это доставляет тебе неприятности. Давай снимем квартиру.

– Не глупи. – Грейс заставила себя рассмеяться. – Зачем платить за аренду, когда этот дом пустует?

Грейс и Кэллум строят в Голубых горах дом своей мечты. («Уж поверьте мне, затеять подобное строительство – самый верный путь к разводу», – оптимистично объявил им один доброжелательный приятель, после того как супруги подписали все бумаги.) Когда Лаура предложила дочери и зятю во время своего отсутствия пожить на острове, это оказалось как нельзя кстати. Грейс была беременна, и они с Кэллумом много времени проводили за кухонным столом с калькулятором, подсчитывая, насколько увязли в долгах. Так что с ее стороны было бы безумием отказаться. В общем-то, самое обычное дело: мать предлагает помощь, а дочь ее принимает.

– Просто фантастика, – сказал тогда Кэллум. – Вот уж повезло, так повезло!

– Скрибли-Гам не самое удобное место для жизни, – предупредила мужа Грейс.

– Да, но зато бесплатно, – бодро отозвался он.

Для Кэллума в семейных делах все просто и ясно. А вот Грейс не может объяснить даже самой себе упорное нежелание принимать услуги от матери. Казалось бы, теперь они вполне терпимы друг к другу. Иногда они даже вместе смеются – правда, всего несколько секунд, а потом обычно наступает неловкое молчание, но все же. Подумать только, их отношения стали настолько нормальными, что в аэропорту, провожая мать, Грейс чуть не сказала: «Я буду скучать». Но вовремя спохватилась, вспомнив лицо матери, когда та с легкой улыбкой, напевая что-то, смотрела сквозь тринадцатилетнюю Грейс, в отчаянии молотившую по краю стола руками и умолявшую: «Пожалуйста, мама, ну пожалуйста, больше не надо!» Поэтому Грейс не сказала: «Я буду скучать», и мать тоже этого не сказала.

Разумеется, Кэллум полагал, что жизнь на острове Скрибли-Гам будет удивительным приключением: он вообще воспринимает как приключения все новое, будь то дегустация нового сорта кетчупа или рождение ребенка.

– Спит сном младенца, – возвращаясь на кухню, сообщает он сейчас. Кэллум впервые за две недели надел рубашку и галстук, а потому выглядит каким-то незнакомым и повзрослевшим. – Думаю, ты его не услышишь еще часа два.

Глядя на мужа, Грейс понимает, что Кэллум на работе будет скучать по сыну. В отличие от нее, у него отцовский инстинкт проявляется в полной мере.

– Ты поедешь на «Вике»?

– А на чем же еще! Единственный веселый момент в возвращении на работу.

Когда они только переехали на остров, Грейс показала Кэллуму катер Лауры: маленький, с подвесным мотором.

– Как называется судно? – спросил он тогда.

– Никак, – ответила Грейс. – Это ведь не яхта, а просто жестянка.

– Жестянка – это банка пива, – возразил муж. – А у катера должно быть имя. Давай назовем его хотя бы «Виктория Биттер», в честь лучшего в мире пива. Сокращенно – «Вик».

Так что теперь их старенький катер гордо именуется «Вик», и Грейс удивляется, как это ей прежде в голову не пришло придумать ему название.

– Если пойдет дождь, садись на паром, – говорит она мужу.

– Под дождем будет весело.

– Сомневаюсь. Уж поверь моему опыту.

– Ладно, островитянка. – Он целует ее на прощание. – Постараюсь вернуться пораньше.

– Хорошо, – отвечает Грейс. – Ну пока, у меня куча дел.

* * *

Первое, что она делает, – в течение полутора часов тупо таращится на пакет с молоком.

Нет, Грейс вовсе не собиралась заниматься этим на протяжении девяноста минут. Просто так получилось. После ухода Кэллума дом словно оказывается под свинцовым покровом тишины. Тишина отдается каким-то странным звоном.

«Итак, – громко произносит Грейс про себя, делая вид, что не замечает тишины, – мне надо переделать кучу дел, пока не проснулся ребенок. Пункт первый – мраморный пирог».

Жить на острове – значит исполнять определенные обязанности, участвуя в семейном бизнесе, и сегодня Грейс проводит экскурсию по Дому Элис и Джека. Тетя Конни настаивала, чтобы экскурсию проводил человек, имеющий личное отношение к тайне младенца Манро. Они с тетей Розой в свое время обнаружили брошенного младенца. Бабушка Энигма была тем самым ребенком. Тетя Марджи и Лаура, мать Грейс, – родные дочери младенца Манро, а Грейс и Вероника с Томасом (это ее двоюродные брат и сестра) – внуки Энигмы.

Грейс уже давно не проводила экскурсию, но надеется, что не забыла текста. «Придется взять с собой Джейка, – вздрогнув, вдруг вспоминает она. – Настоящего живого ребенка!» Кстати, покойная тетя Конни предложила Грейс качать Джейка в кроватке Энигмы, чтобы придать экскурсии достоверность. «Спорю на последний доллар, что какой-нибудь придурок обязательно спросит, а не тот ли это самый ребенок», – фыркнула она, хлопнув себя по ноге иссохшей рукой.

Одна из обязанностей экскурсовода – приготовление мраморного пирога, который должен лежать на кухонном столе. Теоретически его следует выпекать по оригинальному рецепту Элис, однако каждый член семьи слегка видоизменяет его на свой лад. Бабушка Энигма добавляет в тесто две столовые ложки меда, а тетя Роза – чайную ложку молотого мускатного ореха. Томас кладет одно яйцо, Вероника – два, а Грейс – три. Никто из них, даже Лаура, ни за что не осмелится использовать покупную готовую смесь.

«Да, мраморный пирог, – думает Грейс. – Надо прямо сейчас заняться его приготовлением».

Но продолжает сидеть, уставившись на пакет с молоком, который Кэллум достал, когда ел на завтрак хлопья, и, разумеется, оставил на столе.

Грейс тщательно обдумывает порядок действий.

Встать.

Взять пакет с молоком.

Подойти к холодильнику.

Открыть холодильник.

Поставить молоко в холодильник.

Закрывать дверцу холодильника.

Однако, чтобы сделать все это, ее мозг должен послать импульсы ногам и рукам, но, похоже, мозг отказывается помочь. Грейс знает про эти импульсы, потому что их школьный учитель естествознания однажды для наглядности разложил на полу костяшки домино в форме человеческого тела. Суть состояла в том, чтобы показать, каким образом мозг передает импульсы через нервные клетки. «Вот, ребята, как мы двигаемся!»

Однако неподатливые нервы Грейс не рассыпаются, словно костяшки домино, и ее мозг на время отключается. Вполне возможно, у нее там опухоль.

Ей нужно взять пакет с молоком. Нужно заняться делами. «Я очень занята, мистер Калахан». Так звали учителя естествознания. В ее памяти уроки мистера Калахана всегда происходили зимой. Он носил джемперы ярких расцветок и часто заходил с сухим, отрывистым кашлем, вызывая отвращение у девочек из их класса. «Мистер Калахан, может быть, вы примете лекарство? Потому что это ужасно!»

Должно быть, он потратил уйму времени, чтобы правильно разложить все эти костяшки.

Грейс смотрит на пакет молока, и на нее накатывает грусть. Она вспоминает взволнованное румяное лицо мистера Калахана. Бедный, милый человек. Помнится, какая-то девчонка сдвинула одну костяшку, не дожидаясь конца объяснений. А он-то небось думал: «Это заинтересует учеников. Они перестанут наконец болтать и хихикать!»

Грейс опускает голову на руки и безутешно рыдает, оплакивая разочарование мистера Калахана.

Наконец она успокаивается и снова смотрит на пакет с молоком.

«Давай пошевеливайся, – говорит она себе. – Встань. Убери молоко в холодильник. Приготовь мраморный пирог. Загрузи стиральную машину. Ребенок скоро проснется».

И читает надпись на упаковке: «Если наш продукт вам не понравился, мы с радостью вернем вам деньги». Грейс представляет, как энергичная дама в цветастом фартуке радостно возвращает ей деньги: «Вот, пожалуйста, дорогая! Мы не допустим, чтобы вы были несчастны!»

«Но я так несчастна. Очень, очень несчастна».

Энергичная дама говорит: «Ах, милая моя!» – и похлопывает ее по руке.

Да что же это такое: Грейс опять плачет, тронутая участием какой-то воображаемой энергичной дамы! Она все плачет и плачет. Слезы крупные и соленые. Они струятся по щекам и попадают в рот.

Наконец она перестает плакать, проводит по лицу тыльной стороной ладони и снова тарашится на пакет с молоком.

«Вставай, Грейс!»

Она смотрит на часы. Оказывается, уже половина десятого. Грейс испуганно прикрывает рот ладонью. Не может быть! Прошло всего минут пять, самое большее – десять.

Но если верить часам, она сидит на стуле и таращится на пакет молока уже час с четвертью.

Как она может сетовать, что Кэллум мало помогает по дому, если сама дни напролет ничего не делает?!

Звонит телефон, и нервные клетки Грейс наконец запускаются, как костяшки домино. Она встает, убирает молоко в холодильник и спокойно отвечает на звонок.

– Грейс! Я, наверное, не вовремя? Как ребенок? Спит? На прогулку не собираетесь? Кстати, это Вероника. Терпеть не могу людей, которые уверены, что все непременно сразу должны их узнать! Я что звоню-то! Ты слышала новость? Слышала, что учудила тетя Конни?

Вероника, кухня Грейс, обычно не ждет ответов на свои вопросы. «Она похожа на суетливого хорька!» – впервые увидев ее, высказался изумленный Кэллум, словно Вероника была каким-то необычным существом, которое показывали в программе о животных. А ведь действительно, у Вероники острые маленькие зубки и быстрые карие глаза.

«Вот почему я плакала, – понимает Грейс. – Я оплакивала тетю Конни. Я скучаю по ней. Ну конечно». А вслух говорит:

– Я знаю, что она завещала свой дом бывшей подружке Томаса, если ты это имеешь в виду. Мне сообщила твоя мама.

– Вот так сюрприз! Это надо же было додуматься – именно Софи! Совершенно постороннему человеку! Да если бы не я, тетя Конни даже не узнала бы о существовании Софи! Она просто проигнорировала собственную кровь и плоть!

Вероника – умная девушка, но иногда она говорит вещи, которые легко опровергнуть, поэтому Грейс подозревает, что та делает это нарочно. И возражает двоюродной сестре:

– Да, но мы ведь, строго говоря, не кровь и плоть тети Конни!

– Что за чушь! Ну, может быть, не в биологическом смысле, но в духовном и нравственном, а также, пожалуй, с юридической точки зрения! Ты же знаешь, тетя Конни и тетя Роза вырастили бабушку Энигму как собственного ребенка! Если бы в тот день они ее не нашли, она умерла бы! Младенец не может обойтись без заботы взрослых. Ну да кому я это объясняю: ты знаешь все лучше меня! Ты же у нас молодая мамочка!

Грейс думает о спящем в кроватке Джейке, о его трепещущих веках с голубыми прожилками. Что с ним станет, если она последует примеру прабабки и исчезнет из его жизни? По словам тети Конни и тети Розы, маленькая Энигма мирно спала, а когда они заглянули в кроватку, девочка открыла глазки и улыбнулась им прелестной улыбкой.

Грейс говорит Веронике:

– Какое это имеет значение? Никому из нас не нужен дом Конни, верно? Ты всегда твердила, что ни за какие коврижки не согласишься снова жить на острове. Говорила, что чувствуешь себя здесь как в ловушке. Я даже припоминаю, что ты говорила об этом тете Конни, так что теперь пеняй на себя.

– Дело не в том, нужен мне дом или нет. Дело в принципе. Ведь Софи разбила Томасу сердце!

– Разве? Похоже, он уже пришел в себя. Когда я видела Томаса в прошлый раз, он выглядел таким отвратительно счастливым, что у меня даже испортилось настроение.

– Повторяю тебе: дело в принципе!

Грейс все это начинает утомлять. В доме ее матери нет трубки, а только стационарный телефон, который находится на антикварном столике в прихожей. Поэтому при разговоре приходится стоять, выпрямившись во весь рост. Никакого кресла, в котором можно свернуться калачиком.

Грейс садится на пол и прислоняется спиной к стене:

– Послушай, если такова была воля тети Конни...

– Софи встречалась с тетей Конни раза два, не больше!

– Ну, наверное, она сумела расположить ее к себе.

– Да уж, эта коварная стерва ловко умеет манипулировать людьми!

– Я думала, она твоя подруга.

Вероника игнорирует это замечание.

– Сегодня утром я слышала по радио рекламу: есть специальная адвокатская контора, которая специализируется на подобных делах. Думаю, нам надо опротестовать завещание.

Неожиданно Грейс приходит в ярость:

– Мы еще даже не похоронили тетю Конни! Лично у меня нет ни малейшего желания таскаться по судам! Тетя Конни была в здравом уме и имела полное право завещать дом кому пожелает.

Веронику переполняют эмоции, она явно получает от спора удовольствие.

– У тебя нет чувства семьи, Грейс! Нет чувства истории!

– Все, пока. Ребенок плачет.

– Я тебе не верю. Не слышу никакого плача. Просто ты всегда избегаешь конфронтации!

– Зато ты вечно устраиваешь разборки по любому поводу. Давай закончим разговор.

– Не смей вешать трубку! Нам надо поговорить.

Грейс вешает трубку, потом опускает голову в колени.

Сверху доносится пронзительный, недовольный плач. Грейс с ужасом смотрит на часы: а вдруг прошло еще часа два, а она все это время и не подходила к ребенку! Что, если он плачет и плачет, а она не слышит?

Нет, все нормально. На этот раз прошло лишь несколько минут. Тогда, на кухне, у нее, вероятно, было помрачение рассудка.

Грейс медленно, как страдающая артритом старуха, встает на ноги. Держась за перила, поднимается по лестнице, надеясь, что на этот раз хоть немного что-то такое почувствует. Но, войдя в детскую и взяв на руки плачущего сына, она не испытывает ничего, кроме скуки. Серое, унылое чувство, нагоняющее тоску.

Она меняет ребенку подгузник и идет в спальню. Садится на кровать, одной рукой расстегивая блузку. Ребенок жадно тянется губами к соску и, наконец поймав его, начинает лихорадочно сосать, закатив глаза от удовольствия.

Вчера они разговаривали с тетей Марджи, и та сказала Грейс, что впервые слышит про «эффект Моцарта», но тем не менее всегда пела Томасу и Веронике, когда кормила их в младенчестве. «Мне просто казалось, что ребятишкам это нравится и они лучше сосут грудь».

И Грейс, послушная долгу, начинает монотонно петь.

* * *

Днем Грейс укладывает Джейка в прогулочную коляску. И вспоминает, как однажды они с Кэллумом бегали с этой коляской по магазину, вызывая смех и симпатию у многих покупателей. Такого рода вещи всегда случаются с Кэллумом.

На улице прохладно, ясно и тихо; вода в реке спокойная и холодная.

Грейс беспокожно поглядывает на мраморный пирог в форме для выпечки, который прихватила с собой. Она в ужасной спешке смешала ингредиенты и не знает даже, хорошо ли пропекся пирог. Большая удача, что на экскурсию приедут пожилые женщины, а не школьники.

За несколько дней до кончины тетя Конни сообщила ей, что приняла заказ на экскурсию от этой группы.

– Ты уверена, что справишься? – спросила она тогда. – Я бы не стала тебя просить, но мы с Энигмой и Розой собрались в оперный театр, а Марджи записалась в группу «Взвешенные люди». Для нее это нечто вроде новой религии. Ни одного занятия не может пропустить.

– Справлюсь, конечно! – ответила Грейс. – В этом возрасте дети еще вполне портативны. Он ведь пока не ходит.

Грейс позаимствовала это оригинальное выражение у подруги. Она даже воспроизвела ее довольный и небрежный материнский тон. Сама Грейс вовсе не считает младенцев портативными.

– Ну, если ты уверена... – с сомнением произнесла Конни. – Заказ сделал клуб «Ширли». Туда принимают только женщин по имени Ширли. Смешнее не придумаешь, правда? Их там пятнадцать человек, и всех зовут одинаково. Я, как услышала, воскликнула: «Вы шутите, должно быть!» А она мне отвечает: «Нет, не шучу!» Я говорю: «Ну, в таком случае сообщите мне реквизиты вашей кредитки, Ширли».

Грейс размышляет о том, кто же будет заниматься заказами теперь, когда Конни умерла. Может быть, эту обязанность возьмет на себя Софи, вместе с домом? Это приведет Веронику в ярость.

«Ширли» – кучка взволнованных женщин от пятидесяти до шестидесяти с хвостиком. На всех одинаковые яркие удобные парки, длинные шарфы, круглые шапочки и слишком большие, на взгляд Грейс, солнцезащитные очки. Они хихикают и болтают, как девчонки на школьной экскурсии. Вероятно, имя Ширли наделяет человека неунывающим характером.

Они сперва ехали на поезде, а потом сели в Гласс-Бэй на паром. Этих Ширли приводит в восторг абсолютно все: погода, пейзажи, река и горячий шоколад на пристани.

– Это самый красивый остров! Вы давно тут живете, милая?

– Здесь прошло мое детство, а потом я уехала отсюда, – говорит Грейс. – И вернулась обратно полтора месяца назад, незадолго до рождения ребенка.

– Вы, наверное, модель, деточка?

– Нет-нет, я графический дизайнер.

– Ну, с такими внешними данными вы вполне могли бы стать моделью. Правда, Ширли?

Джейка передают от одной Ширли к другой, и в их опытных руках малыш выглядит вполне довольным. Грейс несколько смущает, что ребенка тискают незнакомые люди, но потом она решает, что беспокоиться на этот счет не стоит. Джейк подзаряжается материнской любовью, которой ему не хватает. Кроме того, все эти энергичные женщины на вид очень опрятные.

Грейс встает на крыльцо и начинает рассказывать историю, которую она, Томас и Вероника заучили, когда им исполнилось шестнадцать: считалось, что с этого возраста они могли участвовать в проведении экскурсии по Дому Элис и Джека.

– Добро пожаловать в дом моей прабабки Элис и моего прадеда Джека. Некоторые из вас, возможно, слышали о знаменитом корабле «Мария Целеста». Его нашли дрейфующим

посреди Атлантического океана в тысяча восемьсот семьдесят втором году. Команда и пассажиры исчезли самым таинственным образом. Следов борьбы обнаружено не было, равно как и каких-либо поломок или неисправностей, на корабле имелись запасы воды и продовольствия. Что ж, этот дом похож на «Марию Целесту». Когда в тысяча девятьсот тридцать втором году сюда вошли две юные сестренки, Конни и Роза Доути, они поначалу не заметили ничего плохого. Однако Элис и Джек куда-то бесследно исчезли. Правда, если продолжить аналогию с «Марией Целестой», здесь был один спасшийся человек. Крошечный двухнедельный ребенок проснулся и ждал, когда его накормят. Этим младенцем была моя бабушка.

Грейс ненадолго замолкает. Тетя Конни учила их для лучшего драматического эффекта выдерживать в этом месте паузу, во время которой следовало мысленно досчитать до трех. Грейс полагала, что артистические паузы ей удаются, в отличие от Вероники, которая трещала без умолку, добавляя к тщательно разработанному тетей Конни сценарию свои собственные суждения, или Томаса, который в шестнадцать лет отличался болезненной застенчивостью и говорил едва слышным, монотонным голосом.

Тут Джейк начинает хныкать, и все Ширли принимаются восторженно квохтать:

– Представляешь, бедная девочка осталась одна? Крошка вроде тебя! Не бойся! Твоя мамочка никогда тебя не оставит, правда?

Грейс смотрит на сына, которого с блаженным видом прижимает к облаченной в фиолетовую футболку объемистой груди одна из Ширли. Похоже, малыш весьма доволен.

– А теперь я приглашаю вас в дом. Не забывайте, пожалуйста, что там никто не живет уже более семидесяти лет, поэтому мы просим вас ничего не трогать.

Она открывает дверь, и экскурсантки вваливаются всей гурьбой, сверкая глазами и что-то восторженно восклицая. Грейс тем временем мысленно перебирает список тем, которые необходимо затронуть:

Пирог.

Чайник.

Пятна крови.

Конни и Роза.

Дневник Элис.

Любовное письмо Джека.

Гипотезы.

Вопросы.

Сувениры.

У нее всегда неважно получалось с сувенирами. Зато Вероника отлично с этим справлялась. Она могла заставить кого угодно купить что угодно.

После окончания экскурсии Грейс стоит на террасе Дома Элис и Джека и машет рукой членам клуба «Ширли». Разноцветная толпа женщин, продолжая жестикулировать с неослабевающей энергией, спускается по извилистой дорожке с холма к парому. Они спешат домой, чтобы вовремя приготовить мужьям ужин.

Джейк крепко спит в коляске, над бровью у него след губной помады одной из Ширли.

«Надо было попросить их усыновить тебя, – думает Грейс. – Пятнадцать деловых, счастливых, смеющихся и любящих мамочек. Какая замечательная жизнь! Но папочка будет по тебе скучать».

Грейс не позволяет себе задуматься о том, будет ли скучать она сама.

– Можете не говорить! Семга с листовым салатом и зерновой хлеб! Без масла, свеклы и лука!

– Точно! – кричит Софи поверх голов толпы в закусочной.

На самом деле ей слегка поднадоели сэндвичи с семгой и салатом, но Эл, владелец закусочной, с такой профессиональной гордостью демонстрирует, что помнит вкусы посетительницы, что она не решается изменить свой обычный заказ. Как-то Софи сказала: «Пожалуй, возьму сегодня на ланч ветчину с сыром». А он ответил: «А-а, захотелось небольшого разнообразия?» При этом вид у Эла был немного обиженный, и щипцы в его руке нерешительно замерли над начинками для сэндвичей. В конце концов, семга с листовым салатом – бесподобное сочетание. Иногда Софи обедает в других местах, но на следующий день Эл неизменно восклицает: «Вчера мы так без вас скучали! Где вы были?» И Софи думает: «Это нелепо. Почему бы мне не признаться, что я обедала в китайском ресторане, где продают еду навынос? Тем более что у меня был купон на бесплатный суп!» Но Эл, похоже, вполне уверен в ее моногамных отношениях с его закусочной, поэтому, чтобы скрыть краску смущения, Софи всякий раз притворяется, что чихает. «А-а, у вас простуда!» – участливо произносит Эл. Похоже, он считает ее редким хилятиком.

– Заправляетесь витамином С, Салли? – спрашивает он сегодня, ловко готовя ей сэндвич.

Это еще одна проблема. Эл почему-то считает, что ее зовут Салли. Софи несколько раз пыталась поправить его, но потом смирилась. Он обращается к Софи так вот уже три года. Однажды Эл даже признался, что про себя называет ее Салли Семга. И это вызвало у Софи такой приступ смеха, что пришлось притвориться, что она чихнула шесть раз подряд, и встревоженный Эл предложил ей чесночные таблетки.

– Знаете, Салли, вы сегодня изумительно выглядите, – говорит он сейчас, потом толкает в бок жену, которая рубит вареные яйца. – Посмотри, Салли сегодня просто сияет. Она даже краше обычного.

– Гмм, – мычит в ответ супруга.

Судя по всему, этой даме не очень нравится работать в закусочной (или быть женой Эла).

– Похоже, любовь витает в воздухе, а, Салли? – спрашивает Эл и машет рукой в гигиенической перчатке, как бабочка крыльями.

– Возможно, – отвечает Софи. – Но вообще-то, дело не в этом. – При мысли о письме тети Конни, лежащем в кармане сумки, у нее радостно бьется сердце. – Просто я получила хорошее известие.

– Неужели? – откликается Эл и тут же переводит взгляд на следующего в очереди, тоже постоянного посетителя. – Можете не говорить! Салями с авокадо, да?

– Угадали! – безропотно отвечает тот.

Софи подхватывает коричневый бумажный пакет, дружелюбно улыбается любителю салями с авокадо и проталкивается через толпу к выходу, на улицу. Она идет в парк Домейн, на свое привычное излюбленное место, чтобы съесть ланч под фиговым деревом и почитать, иногда посматривая на служащих близлежащих офисов, играющих в обеденный перерыв в нетбол и футбол. Сейчас середина зимы, но солнце прогревает по-летнему. У спортивного

вида служащих красные лица и потные спины.

– Пасуй, Джен! – страдальческим голосом кричит один из игроков в нетбол. – Я здесь! Ну пасуй же!

Джен, довольно крупная девушка с темными волосами, резко бросает мяч, и его перехватывает другая команда. Раздаются недовольные вопли, и Джен, тяжело дыша, с горестным видом роняет руки.

«Возможно, эта Джен – вполне успешный юрист, – думает Софи, – но по средам в обеденное время она девчонка, которую никто не хочет брать в свою команду».

Немного понаблюдав за игрой, Софи вынимает из сумки книгу. Ей знакомы многие из этих людей, и она уже заметила, что у высокого нападающего и женщины с обручальным кольцом, играющей в футбольной команде, завязался роман. Ну просто свое собственное реалити-шоу, которое можно смотреть в обеденный перерыв! Этого еще не хватало, одергивает себя Софи: она и так уже подседа на всякие глупые телепрограммы. Лучше бы смотрела что-нибудь познавательное.

Она ловит себя на том, что держит книгу так, чтобы окружающие не видели обложку, но потом с вызовом поднимает роман вверх: пусть все видят. Реалити-шоу – это одно, но, согласитесь, стыдиться того, что она предпочитает литературу определенного сорта, – глупо. Тем более что в большинстве своем все эти произведения прекрасно написаны и досконально изучены. Они интересны с исторической точки зрения, остроумны, и там много глубоких мыслей. Софи следует просто выйти и сказать окружающим: «Да, представьте себе, я с наслаждением читаю хороший роман... эпохи Регентства». Она пристрастилась к этим книгам под влиянием матери, которую совершенно не волнует, что подумают о ней люди. Мало того, мама Софи даже состоит членом Клуба поклонников литературы эпохи Регентства. Они там раз в год устраивают вечеринку, на которую гости должны являться в костюмах той эпохи. И маму неизменно сопровождает ее муж, отец Софи, облаченный в панталоны, чулки, жилет и галстук, – вид у него при этом важный и нелепый. Вот она, истинная любовь: когда человек ради тебя готов даже надеть галстук.

Многие из подруг Софи обвиняют авторов романов эпохи Регентства в абсолютно нереалистичном подходе к любовным делам. Недавно даже была проведена весьма агрессивная кампания по приобщению Софи к сайтам знакомств в Интернете.

– В этом нет ничего постыдного или безысходного, – объявляет Лиза, которая познакомилась со своим бойфрендом в одном из книжных магазинов Парижа.

– Я знаю многих людей, которые этим пользуются, не надо стесняться, – говорит Шари. Она вышла замуж за врача из Службы спасения, который влюбился в пациентку, спустившись к ней на тресе с вертолета, когда она сломала лодыжку, продираясь сквозь заросли.

– Это клево, очень клево, а уж как просто и удобно! – кричит Аманда, которая действительно познакомилась со своим мужем в Интернете.

Софи не нравится муж Аманды, и она подозревает, что самой подруге он нравится еще меньше, чем и объясняется ее бешеный энтузиазм в данном вопросе.

Однако Софи противится идее с Интернетом не только по этой причине, но еще и потому, что не хочет однажды рассказать своим будущим детям, как она разместила в Интернете объявление, пообщалась с двадцатью пятью соискателями, и в конце концов появился их будущий отец, который выгодно отличался на фоне остальных. Конечно, ничего такого тут нет, но... Просто это кажется Софи неправильным.

Или все же попробовать? Она мысленно составляет правдивое описание собственной

персоны и морщится.

Относительно успешная начальница отдела кадров, тридцати девяти лет от роду. Хобби: читать романы эпохи Регентства, смотреть по телевизору реалисти-шоу, печь торты по новым рецептам на дни рождения чужих детей. Кроме того, любит, принимая ванну, пить крепкий ямайский ликер «Тиа Мария» и заедать его рахат-лукумом, а также ужинать в ресторане с мамой и папой. Хотела стать балериной, но фигура не позволила, однако говорят, что в подпитии хорошо танцует раскованные танцы. Разбирается в напитках, при случае легко сориентируется в карте вин. Крестная мать девяти детей, член двух книжных клубов, член Австралийской ассоциации служащих. Часто заливается румянцем (но не от робости) и, возможно, сумеет завоевать симпатию ваших друзей, что будет сильно раздражать вас в случае разрыва отношений. Последнее время одержима мыслью о том, чтобы встретить любовь всей жизни и успеть родить ребенка до наступления менопаузы, – это заставляет ее жалобно плакать по ночам. Однако в целом вполне жизнерадостна и может припомнить по крайней мере три случая, когда ее называли очаровательной.

Ну вот, примерно как-то так. Что и говорить, завидная партия! Будь Софи мужчиной, она вряд ли заинтересовалась бы подобной кандидатурой. Лучше бы она занималась спортом. «Господи Иисусе, – скажет потенциальный кавалер, – романы эпохи Регентства! Предпочитаю найти женщину, которая плавает с аквалангом, участвует в марафонах и ходит под парусом на катамаране!» Конечно, как говорится, на всякий товар найдется купец, но... Проблема в том, что Софи наверняка не захочет встречаться с тем претендентом, который согласится встречаться с ней. Она представляет себе чересчур худого мужчину с горящим взором, восклицаящего: «О, романы эпохи Регентства, как интересно!» Что за вздор!

Софи отрывается от книги, чтобы понаблюдать за семьей, расположившейся поблизости на пикник. Папочка в деловом костюме, мамочка в милом розовом кардигане и юбке и два шаловливых белокурых ангелочка. Они пришли, чтобы повидаться с папой в обеденный перерыв, и глава семьи вне себя от радости! Боже правый, все это похоже на телевизионную рекламу. Муж нежно гладит руку жены и что-то говорит ей, а она хихикает в ответ. Хотела бы эта дамочка поменяться с ней местами, стать свободной, незамужней, бездетной бизнес-леди, как Софи? Нет. Ни в коем случае! Она так безоглядно счастлива, что на нее больно смотреть.

«Немедленно перестань! – одергивает себя Софи. – Ты же не хочешь превратиться в одну из этих одиноких женщин, озлобленных и пресыщенных. Семья и впрямь прелестная. Если бы ты знала этих людей, то наверняка подружилась бы с ними».

Один из белокурых ангелочков, ковыляя, подходит к Софи, протягивает к ней испачканный кулачок и показывает кусок коры.

– Ух ты! – говорит Софи. – Какая красота!

– Извините! – Подбегает мама и хватает ребенка. – Не мешай тете.

– Все нормально, – отвечает Софи.

«Да уж, вполне нормально, что ты моложе меня по меньшей мере на десять лет и у тебя уже двое детей, а я тетя, у которой нет даже бойфренда. Ничего страшного, какие проблемы! Все просто отлично».

Когда тебе почти сорок, быть одинокой как-то стыдно. И уже не клево и не забавно. Это действительно грустно, и ты чувствуешь, что абсолютно никому не нужна, даже если на Рождество тебе присылают больше сотни открыток, а сама ты помнишь о днях рождения как минимум сорока разных людей, не считая их детей. Господи, даже героини «Секса в большом городе» и то в конце концов нашли себе пару!

В субботу Софи разговаривала с подругой, и та рассказала ей о своих утренних делах: два раза прокрутила белье в стиральной машине, купила продуктов, отвезла детей на футбол и балет и т. д. и т. п. Да, и еще испекла торт. Просто невероятно!

– А ты чем занималась? – спросила подруга.

– Ну, убралась в ванной комнате, оплатила несколько счетов – да так, занималась всякой ерундой, – подавляя зевок, сказала Софи.

На самом деле она была еще в пижаме и только что выбралась из постели. И пока даже не удосужилась позавтракать. Она ощутила себя ветреной кокеткой из романа эпохи Регентства. Правда, у ветреных кокеток нет морщин в уголках рта и сердце у них не падает, когда им попадаются журнальные статьи, где рассказывается о том, что забеременеть на пороге сорокалетия не так-то просто.

Софи вспоминает одну женщину со своей первой работы, которая сидела за соседним столом и, вводя в компьютер данные, произносила через равные промежутки времени: «Опля! Ты забыла обзавестись семьей? Забей на это, милая!» Очень подходит для Софи.

Она вновь погружается в книгу. Героиня из романа эпохи Регентства остроумно пикируется со своим неотразимым поклонником.

Может быть, Софи все-таки следует попытаться завязать знакомство по Интернету. Возможно, все дело в том, что она слишком уж романтичная. И считает свою жизнь долбаной сказкой, как выразилась однажды ее подруга Клэр, когда обе они хорошенько выпили. «Софи, твоя проблема в том, что ты смотришь на жизнь как на долбаную сказку. Ты же у нас такая, на хрен, оптимистка и не видишь, что стакан наполовину пуст. Тебе кажется, будто он целиком заполнен... розовым шампанским! А на самом деле это вовсе не так. Очнись, Софи: он же наполовину пустой!» Клэр в подпитии часто повторяла «долбаный» и «на хрен». Это было забавно. Но на следующий день она все отрицала.

Софи вяло жует сэндвич, почти не чувствуя его вкуса. Надо напрямик сказать Элу, что ей жутко надоела семга с листовым салатом и она хочет чего-нибудь пикантного, вроде яйца со спаржей под соусом карри. Она застряла в наезженной колее, и касается это не только ланча. Опостылевшие сэндвичи – символ жизненного пути, ведущего в никуда.

Ах, как она могла забыть? И ничего она не застряла в колее. Она сейчас стоит на перепутье. Ее жизнь действительно похожа на сказку, а тетя Конни – добрая фея. Софи откладывает книгу и достает из сумки письмо, чтобы перечитать его, наверное, в сотый раз. Страшно интригующе читать, так сказать, послание с того света.

Можно ожидать, что письмо от древней старушки будет написано бледными чернилами на почтовой бумаге, надушенной лавандой. Но письмо от тети Конни – и это вполне в ее духе – напечатано на компьютере и выглядит вполне современно. Вероятно, в восемьдесят лет она занималась на компьютерных курсах.

Софи пытается представить себе Конни, сидящую за компьютером. Она вспоминает прямую седоволосую женщину, с тонкой желтоватой кожей, изящным удлиненным лицом и умными карими глазами, словно предостерегающими: не смейте обращаться со мной как со старухой! Некоторые пожилые люди выглядят так, словно всегда были старыми, а Конни

смотрелась как сильно состарившаяся молодая женщина. Хрупкая с виду, она двигалась медленно, но порывисто, будто управляла автомобилем, не способным развить большую скорость. Можно было догадаться, что во время оно эта женщина ни минуты не могла усидеть на месте.

Однажды летним днем Томас повез Софи в гости к родителям. В воздухе чувствовалось приближение грозы. Софи была настроена беспечно и легкомысленно, а Томас, напротив, был необычайно серьезен, что заставляло ее упрямыться как подростка. Томас вообще не слишком любил навещать родных на Скрибли-Гам, он предпочитал, чтобы они сами приезжали в Сидней. «Добраться туда – целое событие», – говорил он, бывало, словно ему предстояло штурмовать гору. За время их романа Томас привозил Софи на остров всего два или три раза, хотя и знал, что ей там очень нравилось.

Сначала они пообедали с его родителями, Марджи и Роном. А потом Маргарет сказала, что неплохо бы им перед отъездом заглянуть к тете Конни и засвидетельствовать ей свое почтение. Тем более что муж Конни, Джимми, умер за пару месяцев до этого. Томас, будучи хорошим, послушным сыном, не возражал, но стремился поскорее исполнить свой родственный долг и уехать с острова.

– Когда я остаюсь здесь надолго, то чувствую себя как в ловушке, – заявил он тогда Софи, пока они спускались с холма к дому тети Конни. – Этот остров такой маленький. Понимаешь, о чем я?

– Не совсем, – ответила Софи, глубоко вдыхая соленый воздух.

Конни приняла их благосклонно, если не сказать – с распростертыми объятиями. Она приготовила гостям тосты с корицей и с неподдельным интересом беседовала с Томасом, у которого было две излюбленные темы: федеральная политика и крикет. Софи чувствовала, что Конни сильно горюет по мужу, хотя и не показывает этого. Под глазами у нее залегли лиловые тени. Повсюду по-прежнему ощущалось присутствие Джимми: кардиган на спинке стула, пара заляпанных грязью ботинок на крыльце, вставленные в рамку статьи, которые он написал, включая, конечно, и историю про тайну младенца Манро.

Конни не спеша провела Софи по дому. Похоже, она оценила восторженные замечания гостя, не скупившейся на комплименты, которые, надо сказать, были абсолютно искренними. Софи сразу очаровал этот старый дом, и она подумала: «Я бы все отдала, чтобы жить здесь».

«Господи, – мучится сейчас Софи, – а вдруг я тогда случайно сказала об этом вслух тете Конни?» Но тут же успокаивается: нет, конечно, она старушке ни на что такое даже не намекала.

Она просто искренне влюбилась в этот дом, сразу и бесповоротно. И теперь, после того как Томас сообщил ей про завещание, она каждый раз, вспоминая очередную подробность, испытывает ликование. Увитая жасмином арка в начале садовой дорожки, ведущей к входной двери. Гигантская зеленая ванна с львиными лапами. Медового цвета половицы. Красно-зеленые витражи, в которых играет вечернее солнце. Окна с видом на сверкающие воды реки. Маленькая винтовая лестница, ведущая в спальню. Кресло у окна, где можно уютно расположиться с романом эпохи Регентства и коробочкой рахат-лукума. Настоящий дом из сказки.

Но может быть, ей все-таки следует отказаться? Софи еще раз перечитывает письмо, стараясь быть объективной, пытаясь посмотреть на себя со стороны, глазами тети Конни. Помедлив над постскриптумом, она старается не принимать его всерьез. Разумеется, ничего

из этого не выйдет. Это всего-навсего шутка. Маленькая шутка для поднятия настроения.

Звонит мобильник, и, продолжая размышлять о постскриптуме, Софи отвечает с набитым ртом:

– Да?

– Софи, это Вероника.

Софи проглатывает комок в горле.

– А-а, привет! – произносит она с фальшивым оживлением, чувствуя себя виновной чуть ли не в убийстве.

– Хочу поставить тебя в известность: мы собираемся опротестовать завещание тети Конни. Все члены семьи ужасно обижены тем, что ты сделала.

Софи отодвигает мобильник от уха. Вероника всегда разговаривает по телефону слишком громко, а когда злится, то и вовсе орет.

– Напомни мне, что такого я сделала?

– Ха! Знаешь, я гордилась тем, что хорошо разбираюсь в людях, но, оказывается, ошибалась. Никогда не думала, что ты на такое способна! Так манипулировать беззащитной старушкой! А я-то считала тебя подругой! Даже близкой подругой! Но теперь вижу тебя насквозь. И не надейся, что все такие лопухи, как Томас. Я только что звонила нашей кузине Грейс, и она с трудом могла об этом говорить – настолько была потрясена твоим поступком.

– Неужели?

По какой-то причине мысль о том, что Грейс, которую Софи едва знает, плохо о ней думает, расстраивает ее больше, чем мнение старой подруги Вероники, уверенной, что коварная Софи бессовестно манипулирует старушками. Софи встречалась с Грейс один лишь раз, несколько лет назад, на свадьбе Вероники, но была буквально очарована ею. Грейс красива – невероятно, абсурдно красива. На такую непозволительную красоту смотришь с мучительным удовольствием. К тому же это замечание по поводу Грейс в письме тети Конни...

– Передай Грейс, чтобы не расстраивалась из-за меня, – беспечно произносит Софи. – Скажи, что я вношу немалую лепту в ее авторские гонорары, поскольку всегда покупаю ее книги для подарков крестникам!

С тех пор как Вероника рассказала, что Грейс сочиняет и иллюстрирует серию детских книжек про злого маленького эльфа по имени Габлет, Софи действительно покупает ее произведения и дарит их детям своих друзей. Великолепные подробные иллюстрации несут в себе интригующий оттенок угрозы, который очень нравится детям, особенно непослушным. Эти книги о Габлете еще больше подчеркивают загадочность Грейс.

– Ты даже не принимаешь этого всерьез! – сердится Вероника. – Больше мне нечего сказать тебе, Софи. Прощаю тебе то, что ты сделала с Томасом, но вот что касается дома Конни – это тебе с рук не сойдет. Наша семья будет бороться, мы дойдем до Верховного суда, если потребуется. И я в жизни не скажу тебе больше ни единого слова!

– Начиная с этого момента? – саркастически интересуется Софи.

Но Вероника, верная своему обещанию, вешает трубку.

Должно быть, она по-настоящему расстроена, если первой прекратила разговор.

Стоит Веронике начать с важным видом рассуждать о чем-либо, начиная с нового фильма и кончая абортами, и в Софи невольно просыпается сарказм. Потом она всегда жалеет о своей несдержанности, а сейчас и впрямь чувствует себя виноватой.

Какая-то часть ее существа считает, что вся история с домом тети Конни

предопределена судьбой. Судьбе было угодно, чтобы они с Вероникой стали подругами, хотя по временам эта дружба и раздражала ее. Судьба распорядилась, чтобы она встречалась с братом Вероники, Томасом, несмотря на то что все закончилось так ужасно. По воле судьбы Софи должна жить в чудесном доме тети Конни на острове Скрибли-Гам. Таков ее выигрыш. Она это заслужила!

Но сейчас Софи приходит в голову, что, возможно, она подсознательно манипулировала своей судьбой.

Она вспоминает день, когда познакомилась с Вероникой на вечеринке, которую устроила на радостях их общая подруга, узнав, что беременна. Софи руководила разрезанием пирога – разумеется, испеченного ею собственноручно и напоминающего по форме две детские попки, сделанные из маленьких кексов, – когда услышала, как одна гостя громко рассказывает, что она выросла на острове Скрибли-Гам.

«Правда? – вклинилась в разговор Софи, перегнувшись через другую женщину, чтобы вручить незнакомке кусок пирога. – Вот здорово!»

У Софи был пунтик по поводу острова Скрибли-Гам. Она обожала это место с тех самых пор, как впервые побывала там на школьной экскурсии. И впоследствии всегда пылко оспаривала мнения других людей, прохладно отзывавшихся об этом острове. Она раз десять прослушала экскурсию по Дому Элис и Джека, каждый раз с новым восхищением рассматривая висящую в шкафу одежду, кроватку брошенного младенца и газету с наполовину разгаданным кроссвордом, раскрытую на странице с датой «15 июля 1932 года». Софи участвовала в пикниках у подножия Салтана-Рокс, отмечала свой день рождения в кафе «У Конни» и горячо убеждала друзей, что черничные кексы и горячий шоколад стоят того, чтобы тащиться сюда на поезде и пароме, особенно в холодный зимний день. Однажды она вдрызг разругалась со своим тогдашним бойфрендом: они проводили отпуск на греческих островах, и Софи утверждала, что вид со смотровой площадки Кингфишер гораздо красивее того пейзажа, который открывался из окна их гостиничного номера на Санторини. Он, разумеется, заявил, что это полная чушь.

Когда Софи узнала, что Вероника – родная внучка того самого младенца Манро, то была потрясена так, словно встретила знаменитость. И не могла с ней не подружиться.

Правда, и сама Вероника была из тех, кто довольно агрессивно добивается дружбы. Она приглашала Софи на ланчи и коктейли и затащила ее в группу, где осваивали танец живота. Софи эти занятия понравились. Она считала, что это весело. Когда ей удавалось подавить приступы смеха, у нее хорошо получалось. Мало того, она даже стала любимицей преподавателя. Вероника, наоборот, была самой слабой в группе, но воспринимала все ужасно серьезно, внимательно выслушивая объяснения и рьяно пытаясь трясти тощими бедрами. Вот тогда-то Софи и привязалась к Веронике по-настоящему. Другие на ее месте не стали бы даже пытаться. В отчаянном упорстве Вероники было что-то подкупающее.

И все же связь с островом Скрибли-Гам, пожалуй, помогла сделать их дружбу более привлекательной, смягчая такие особенности характера Вероники, которые иной раз раздражали: например, ее настырность в любого рода делах. Как-то один из сослуживцев Софи в открытую признался, что хотел бы подружиться с человеком, владеющим яхтой. Что, если Софи, которая искренне считала себя бескорыстной, подсознательно держалась по отношению к Веронике точно так же, как и этот парень?

Допустим. Но чего она надеялась добиться? Вероника ведь даже не приглашала новую подругу в гости на остров Скрибли-Гам. («Да брось ты, что мы там забыли? На редкость

скучное место!») И только начав встречаться с братом Вероники, Софи все-таки оказалась там. А вдруг и роман с Томасом тоже был всего лишь очередным шагом в ее коварном плане?

Софи смотрит на часы. Пора возвращаться на работу. Ровно в два у нее совещание. Вечером за ужином она прочитает родителям письмо Конни и узнает, что они думают по этому поводу. Если мама с папой вдруг скажут, что принять дом неправильно, она этого не сделает.

«Я хороший человек, – напоминает себе Софи. – Все меня любят. Я жертвую на благотворительность. Я правильно утилизирую отходы. Я покупаю у продавцов, которые ходят по квартирам, ненужные мне вещи. Я, блин, семь раз была на свадьбах подружкой невесты! Я не тот человек, который способен манипулировать старушками».

– А-А-А-А-А!

Софи поднимает глаза и видит белокурого ангелочка, который в припадке гнева дрыгает руками и ногами, пока мать пытается пристегнуть его ремнями в коляске, истошно крича другому ребенку:

– СТОЙ СМИРНО, ГАРРИ!

Папочка предусмотрительно ретировался и широкими шагами направляется в офис, его галстук болтается из стороны в сторону.

«Нет уж, не надо мне такого счастья, – думает Софи, вставая и стряхивая крошки с юбки. – По мне, так гораздо лучше пойти сейчас на совещание».

Габлет Макдаблет был очень шаловливым маленьким эльфом.

Каждый день мама говорила ему: «Ну, Габлет, как ты думаешь – у нас сегодня будет день хорошего Габлета или плохого Габлета?»

И каждый день он отвечал одинаково: «Конечно, день хорошего Габлета!»

Но знаешь что? Каждый день оказывался днем плохого Габлета.

Однажды Габлет сказал: «О-о, блин, мамаша, ты надоедливая старая кошелка!»

А потом взял нож и отрубил голову своей милой мамочке.

Грейс разглядывает сделанный ею карандашный набросок: злобно ухмыляющийся эльф с ножом мясника, с которого капает кровь. О господи! Для самой Грейс сегодняшний день точно не станет днем хорошего Габлета. Дальше она заставит злобного эльфа изнасиловать свою лучшую подружку Мелли, танцовщицу из музыкальной шкатулки: он сорвет с Мелли блестящую пачку и отрахает ее прямо на розовом атласном днище шкатулки.

О боже, и откуда только берутся столь извращенные и разнузданные мысли, совершенно не подходящие для молодой мамы?! У нее в голове сейчас должны быть колыбельные и зайки, а не кровь и насилие.

Грейс вырывает лист из блокнота и комкает его в плотный шар.

Сейчас одиннадцать часов, и она второй день одна дома с ребенком. Он спит наверху – накормленный, чистый и запеленатый («Все равно как заворачивать буррито», – сказал Кэллум, когда медсестра в больнице показала им, как это делается) и, что самое главное, живой и невредимый. Она успешно поддерживает его существование и до сего момента не нарушила никаких важных правил и не совершила фатальных ошибок, но по-прежнему каждое совершенное ею действие кажется Грейс фальшивым и вынужденным, словно она только притворяется мамой ребенка, а настоящая мать скоро появится и будет хорошо за ним ухаживать. Ей никак не удастся стряхнуть с себя стойкое ощущение ужаса.

Все молодые матери нервные, говорит она себе.

Но не настолько же?

Да, конечно, нервные.

Это совершенно нормально.

Я совершенно нормальная. Я молодая мать, севшая за стол выпить чашку чая.

Она снова пробует нарисовать знакомые черты Габлета. Он смотрит на нее с новым выражением, холодным и безучастным.

Прежде с ней такого не случалось. Работа над книгами о приключениях Габлета всегда доставляла Грейс столько радости. Вдохновения у нее было в избытке, не хватало только времени.

Грейс работала над книгами про Габлета Макдаблета уже больше четырех лет. Все началось с незамысловатых картинок. Разговаривая по телефону, она рисовала что-то в ноутбук, и появился этот озорной эльф. Он понравился Грейс, и она, долго не раздумывая, сочинила смешную историю о первом дне Габлета в школе. Потом Кэллум втайне от жены отослал сказку в издательство детской литературы, и там на удивление быстро согласились напечатать ее в иллюстрированной книге в твердой обложке, предназначенной для детей от трех до пяти лет. Пока что Грейс не заработала достаточно денег, чтобы отказаться от

довольно скучной работы графического дизайнера в солидной компании. Сочинение иллюстрированных историй для детей не приносит особых доходов, если только автор не феноменально успешен, и, кроме того, на написание каждой из двух книг про Габлета у нее ушло по два года. «Два года!» – недоверчиво и немного насмешливо скажет обыватель. Можно подумать, Грейс должна была выдавать по одной книге каждые две недели! А ведь каждая иллюстрация – это почти картина маслом, кропотливая работа, которую один щедрый критик назвал совершенным произведением искусства.

После издания первой книги Грейс пригласили в местный детский сад – почитать о приключениях Габлета группе сидящих на полу, ерзающих четырехлеток. Она очень нервничала. В присутствии малышек Грейс чувствовала себя огромной и неуклюжей, не зная толком, каким тоном с ними беседовать, и стараясь не говорить с ребятами как с умственно отсталыми или глухими. Когда подруги неожиданно (непонятно зачем!) подносили телефонную трубку к ушам своих сопящих чад, чтобы те поговорили с тетей Грейс, она чаще всего молчала. А чего, интересно, мамы от нее ожидали? Что она скажет что-нибудь вроде: «Ну, чем ты занимался в последнее время?» Или: «Я слышала, ты только что научился ходить, да? И как у тебя, хорошо получается?»

Грейс была убеждена, что не понравится дошколятам. Она почему-то вообще обычно не нравилась людям. Подруги всегда доверительно сообщали ей свои впечатления от первого знакомства: «Ты казалась такой холодной и неприветливой». Вероятно, дети, в отличие от взрослых, не станут скрывать свою неприязнь. Наверное, они будут свистеть и шикать. А может быть, ребята все разом набросятся на нее, как бешеные крысята. Кто знает, что они натворят? Это ведь существа другого сорта.

Когда Грейс читала четырехлеткам истории собственного сочинения, ей казалось, что это звучит нелепо, но тут она услышала первый смех. Это было то место, где Габлет прыгает, как на трамплине, вверх-вниз на мамином вкусном пироге с тыквой. Дети были в восторге. Один мальчик встал, чтобы показать, как он будет прыгать в подобной ситуации. Воспитательница, сидевшая в заднем ряду, словно догадываясь, что Грейс нервничает, подняла вверх большие пальцы, а дети, усевшись на места, в ожидании следующего смешного эпизода обратили к гостье любопытные мордашки с сияющими глазенками. Так вот что люди видят в детях.

Грейс закончила чтение, и, когда воспитательница спросила детей, есть ли у них вопросы, поднялся лес рук, и каждый тянул свою повыше.

– Габлет потому все время проказничает, что ему не нравятся его остроконечные ушки, да?

– А захочет Габлет прийти ко мне в гости? Думаешь, он будет прыгать на пироге? Мама очень на него рассердится!

– Габлет смешной, когда шалит! Я так смеялась! Я смеялась целых сто часов!

– В тот раз, когда мама Габлета за плохое поведение отослала его на Луну, а он позвонил Мелли, и они убежали на Марс – представляешь, это случилось и со мной тоже! Но знаешь что, это было не взаправду! Это был сон!

Слова клиента о том, что генеральный директор высоко оценил ее дизайнерские идеи, не шли ни в какое сравнение с истинным удовольствием, которое испытала Грейс от заявления четырехлетней девочки: «Я смеялась целых сто часов!»

Так что в тот день она решила, что хочет заниматься только книгами про Габлета. Когда Грейс забеременела и мать предложила им временно пожить в ее доме на острове, они с

Кэллумом разработали за ужином перспективный план на дальнейшую жизнь.

Грейс оформит в своей компании декретный отпуск (в надежде, что ей не придется туда вернуться). Когда ребенок (забавно было думать, что у них действительно скоро появится настоящий ребенок, самостоятельное существо) будет спать, она сможет спокойно работать над третьей книгой про Габлета и к концу года закончит ее. А Кэллум найдет частных учеников и станет подрабатывать репетиторством. Строители продолжают работу, и их дом мечты в Голубых горах будет построен задолго до возвращения Лауры из заморского путешествия. За два года они накопят денег, и Кэллум сможет открыть свою музыкальную школу для взрослых. Они станут разумно вкладывать инвестиции. Они будут принимать мультивитамины и каждый день пить свежавыжатый сок: морковный, сельдерейный и яблочный. (Им придется купить соковыжималку.) Они станут здоровыми, счастливыми и успешными. У них родится еще один ребенок. Может быть, даже два! Почему бы и нет? Пока все выглядит совершенно не сложным!

Кэллум записал все это в блокнот. А Грейс проиллюстрировала каждый пункт забавными картинками. На ужин в тот вечер у них была утка под соусом. И они легли спать, вполне довольные собой.

Вспоминая тот вечер, Грейс плотно заштриховывает лист блокнота. Их планы были такими банальными, разве нет?

Она вспоминает, как надавливала рукой на свой живот, чтобы ребенок толкнулся в ответ, и как радовались они с Кэллумом в предвкушении грядущих перемен. Чем же отличается ее воображаемая жизнь от реальной? Все идет по плану. Ребенок спит, а она сидит за обеденным столом, приготовившись поработать над Габлетом, однако все вдруг кажется банальным и бессмысленным, на нее накатывает привычная тоска.

Габлет? Не такая уж оригинальная книжка с картинками, которая не слишком хорошо продается на переполненном книжном рынке и не приносит особых денег.

Ее замужество? Грейс вспоминает, как потеряла голову при первой встрече с Кэллумом. Ну не дура ли она была: «Ах-ах, я так его люблю!» Действительно ли она испытывала эти чувства? Господи, он всего лишь неопрятный мужчина, который не так уж много помогает жене по дому, у которого начинает отрастать брюшко и по утрам ужасно пахнет изо рта. Мужчина, неизменно уверенный в том, что он всегда прав, и это выводит Грейс из себя.

Она вслух произносит: «Милая, нельзя быть такой стервой!»

И вспоминает тот день, когда впервые позвонили из издательства по поводу Габлета. «Это тебя», – сказал тогда Кэллум, с трудом пряча широкую улыбку. Заинтригованная, Грейс взяла трубку, и муж внимательно следил за выражением ее лица, пока не увидел радость, и в тот же миг закружился по кухне в буйном победном танце.

Как может она не любить Кэллума?

Да нет же, она любит его. Конечно любит.

Заплакал ребенок. Грейс смотрит на часы. Ну надо же, опять прошло два часа, а она и не заметила.

Нет, с ней определенно что-то не так.

Из теплого зала ресторана Софи смотрит на толпы людей, которые снуют взад-вперед по набережной, наклонив голову под порывами свежего ветра. Ничем не примечательная пара в черных пальто, взявшись за руки, спешит куда-то и постепенно трансформируется в знакомые фигуры ее родителей – словно бы это спецэффект в кино. Софи невольно улыбается, пытаясь взглянуть на них глазами постороннего человека. Обыкновенные люди среднего возраста, явно супруги, модно одетые, довольные и несколько беспечные, как отпускники. Оба невысокого роста, отчего хорошо смотрятся вместе. Женщина останавливается и что-то показывает жестами – рубит воздух ладонями. Мужчина пожимает плечами, хватая ее за руку и тянет в сторону ресторана. Софи с облегчением улыбается. Она собирается прочитать родителям письмо тети Конни, и пусть они решают, как ей лучше поступить.

Софи смотрит, как родители с раскрасневшимися лицами входят в дверь и снимают пальто. На отце элегантный серый костюм и малиновый галстук. На круглом лице старомодные очки в золотой оправе. Помогая жене раздеться, он одаривает ее чарующей улыбкой. Мать, одетая в трикотажное синее платье, смотрится в большое зеркало, пытаясь пригладить непокорные вьющиеся волосы, которые растрепались от ветра. Они болтают с метрдотелем как с добрым старым другом. До нее доносятся взрывы смеха. Родители Софи всегда так действуют на окружающих.

Наконец оба смотрят в сторону Софи, и она поднимает руку. Папа и мама одновременно расплываются в улыбке, как будто не видели дочь несколько месяцев, а не всего пару недель. Подруга Софи Клэр, впервые встретившись с семейством Ханивел, сказала: «Теперь я понимаю, почему тебя все любят. Тебя всегда обожали. Ты ждешь от окружающих этого обожания, и вот результат».

«И ничего я не жду обожания, – смутившись, ответила Софи, хотя вполне возможно, что теория подруги была справедливой. – И вообще, все родители любят своих детей».

«Но не так, как твои любят тебя, – возразила Клэр. – Это что-то запредельное».

– Привет, милая! – восклицает мать. – Какая у тебя потрясающая блузка! Только взгляни на мои волосы. Ну и видок, будто меня казнили на электрическом стуле. – И для пущей убедительности она таращит глаза и трясет головой.

– Привет, Софи, – говорит отец. Он выдвигает стул для жены и целует дочь в щеку. – Наше опоздание полностью на совести твоей мамы. Еще не пила? Два очка долой? Пожалуй, освещение здесь слишком тусклое. Я тебя почти не вижу.

Каждый третий четверг месяца отец Софи приглашает жену и дочь в очередной ресторан, который предварительно выбирает с особой тщательностью. Семейство Ханивел питает слабость к хорошей кухне. Они составили собственный рейтинг ресторанов Парижа, Лондона, Нью-Йорка и, разумеется, Сиднея. Это одно из их совместных семейных увлечений, наряду с походами в оперу, игрой в скрабл и просмотром по телевизору реалити-шоу.

Гретель, мама Софи, любит рассказывать знакомым о том, как они, бывало, брали с собой в рестораны маленькую дочурку. Чтобы девочка доставала до стола, ее сажали на две подушки, и она с важным видом «читала» меню, которое было в два раза больше ее самой. Официанты готовили для Софи коктейли такого же цвета, как у мамы, и она делала вид, что

курит леденец на палочке, как родители, понарошку пуская дым изо рта («маленькая актриса»), но Гретель обычно опускает эту часть рассказа, чтобы слушатели перестали охать и ахать. Вообще-то, мама огорчается, представив, какое количество сигарет они выкурили в присутствии дочери. И теперь стоит только Софи немного закашляться, как она тут же хватается мужа за руку: «Послушай только! Это называется пассивное курение! И о чем мы только думали? Наверное, навредили ее бедным маленьким легким!»

Отца Софи зовут Ганс. Ганс и Гретель. В юности общие друзья решили для прикола свести их и подстроили встречу. Ганс и Гретель сначала противились, но в тот самый момент, когда с противоположных концов катка «Принц Альберт-парк» их одновременно заметили ухмыляющиеся друзья, оба неожиданно и бесповоротно влюбились. Будь это фильм, сцена пошла бы в замедленном темпе и Ганс и Гретель под романтический саундтрек заскользили бы по льду прямо в объятия друг друга. В реальной жизни дело обстояло несколько иначе: поскольку ни один из них прежде не стоял на коньках, парень с девушкой, дико размахивая руками, храбро ринулись через каток на негнущихся ногах, встретились посередине, поздоровались за руку и одновременно рухнули на лед.

«Я ударилась копчиком, – вспоминала Гретель. – Было жутко больно, но от счастья я почувствовала себя немного пьяной. Я поняла, что это судьба, и поняла, что Ганс тоже обо всем догадался. Я быстро взглянула на часы, чтобы запомнить точный момент, когда впервые повстречала своего будущего мужа. Это случилось в двадцать минут третьего пополудни, одиннадцатого июня тысяча девятьсот шестьдесят второго года».

И не имеет значения, сколько раз Гретель рассказывает Софи эту историю, обе они в конце неизменно всхлипывают. Их легко растрогать. Ведь обе они – и мать, и дочь – вообще склонны ко всему романтическому: романтическим комедиям, романам эпохи Регентства и даже к романтической рекламе.

Роман Ганса и Гретель еще не окончен: с тех самых пор они живут дружно и счастливо. Единственное, что омрачает счастье, – это что Софи оказалась единственной их дочерью. Вообще-то, Ганс и Гретель собирались обзавестись дюжиной наследников, однако этим планам осуществиться было, увы, не дано. «Ничего, – бодро говорит ее мать, – зато мы с первого раза сорвали джекпот: вон какая у нас замечательная доченька!»

Софи кажется, что у ее родителей должен был быть целый выводок чумазных крикливых ребятишек. Мама бы безмятежно восседала за уставленным едой столом, раскладывая по тарелкам огромные порции питательной запеканки, ероша вихры одного отпрыска и шлепая по пальцам другого. А папа ловко переворачивал бы на барбекю сосиски, успевая в промежутках подбрасывать в воздух соседских детишек, как жонглер шары, и потешая гостей репликами вроде: «Ты чей? Вроде бы у меня такого не было?» Сама Софи была бы идеальной старшей сестрой – доброй, любящей, строгой, но справедливой. Она позволяла бы младшим сестренкам изредка пользоваться своей косметикой, рассудительно давая им советы, как лучше держать себя на свидании. Она возила бы младших братишек на футбол и помогала бы им делать уроки. Будь она старшей сестрой, она, вероятно, не краснела бы столь мучительно.

Но, увы: вместо воображаемой большой семьи в реальности есть только Ганс, Гретель и Софи. словно три гостя на вечеринке, куда больше никто не пришел, они стараются создать впечатление большой, шумной группы, и это им так хорошо удается, что многие хотели бы к ним присоединиться. Окружающие всегда отмечают, насколько они сплоченная семья, как весело они проводят время и как похожи на трех лучших друзей. Когда Софи была маленькой, ее приятелей до глубины души изумляло то, что она приглашала маму с папой в игру. Она

считала всех родителей просто детьми большого размера. Как же она краснела, когда ей указывали на эту ошибку. («Маму нельзя пускать в наш домик, Софи. Она не может с нами играть. Это как-то... странно».)

В этот четверг Ханивелы решили опробовать новый ресторан на набережной, с окнами от пола до потолка, из которых открывается вид на белые паруса Оперы, напоминающей гигантскую, отлитую из золота скульптуру. Все трое сидят в гробовом молчании, изучая увесистое меню в твердой обложке и в нерешительности перелистывая страницы. Потом откладывают его, сосредоточенно хмурятся, снова берут и продолжают листать. Наконец, сцепив пальцы над меню, каждый озвучивает свой выбор, словно объясняет сложную математическую формулу.

– Конфи из форели, выловленной в Тасмановом море, – объявляет Гретель. – А потом еще маринованные креветки с папайей, огурцом и черемшой.

Муж и дочь в восхищении качают головой. Теперь очередь Софи.

– Салат из морских гребешков. И затем – если ты думаешь, папа, что я закажу семгу, то ошибаешься – равиоли из омара, а на гарнир – помидоры с базиликом и оливковым маслом!

– Нет, только не это! – Отец подносит ладонь ко лбу. – Я тоже выбрал равиоли!

– Бери снова меню, дорогой, – говорит Гретель.

У них существует негласное правило: никогда не заказывать одинаковые блюда. Правило несправедливое, потому что Ганс всегда галантно настаивает на том, чтобы первыми выбирали жена и дочь.

Испутив театральный вздох и сжав нижнюю губу двумя пальцами, он снова нацепляет очки на нос и углубляется в меню. Тем временем мать Софи слегка откидывается на стуле, и лицо ее принимает застывшее выражение. Это означает, что внимание Гретель привлек разговор за соседним столиком. Она, как и дочь, большая любительница подслушивать.

Софи смотрит, кто же заинтересовал маму. Это явно семейная компания. Бабка с дедом, дочь и зять – или сын и невестка (это Гретель выяснит через несколько минут), а также ребенок в коляске, неслышимый и невидимый. По тому, как они все сидят – немного скованно, с повернутой к коляске головой, – Софи заключает, что малыш родился совсем недавно.

Плохо, конечно, что у Софи нет братьев и сестер. Теперь ее родителям за шестьдесят, и они давно могли бы стать дедушкой и бабушкой. У матери Софи есть приятельницы, с которыми они уже лет двадцать играют в теннис, и Гретель – единственная в этой компании еще не бабушка. Софи нестерпимо думать о том, как ее мать вежливо выслушивает хвастливые рассказы этих женщин о внуках (а у ее единственной дочери между тем нет даже возлюбленного). Хуже всего то, что родители никогда не давят на нее. Никогда не задают бестактные вопросы вроде: «Ну что, никого себе не завела?» Софи чувствовала бы себя менее виноватой, если бы Гретель была похожа на мать ее подруги Клэр, которая буквально изводит дочь, обвиняя беднягу в том, что та назло ей специально не заводит детей.

– Салат из моцареллы и перца чили, а также телячья нога, тушенная на медленном огне, если кого-то это еще интересует. – Ганс закрывает свое меню. – Твоя очередь выбирать вино, Софи.

Гретель наклоняется вперед и понижает голос до хриплого шепота тайного агента.

– Первый выход в свет с новорожденным, – сообщает она Софи. – Свекровь скоро доведет невестку до слез.

– Потрясающе! – Ганс не одобряет привычку жены и дочери подслушивать. – Тебе не кажется, что нас это совершенно не касается?

– О, мне действительно очень жаль, – чопорно, словно английская королева, произносит Гретель. – Сие есть проявление крайней невоспитанности с моей стороны.

– Вынужден с этим согласиться, – строго говорит Ганс, хотя Софи понимает, что он пытается сдержать смех.

Никто громче Ганса не смеется над репликами жены, в которой явно пропал талант пародиста.

Софи наблюдает за родителями, и в груди у нее вдруг появляется неприятное ощущение, похожее на изжогу. Проходит несколько секунд, и она понимает, что это, в сущности, зависть. Она со стуком ставит на стол бокал с водой. Да, это уже не шутки! Вчера в спортзале она тренировалась на беговой дорожке, смотря на экране тренажера документальный фильм. Там рассказывалось о женщине, у которой не было рук и ног, но которая тем не менее сумела освоить скейтборд. Трогательная история о мужестве, проявленном перед лицом ужасных испытаний. Но, сдерживая слезы сочувствия, Софи на миг испытала укол зависти. А почему? Да потому, что у этой самой женщины имелся симпатичный (с руками и ногами) муж! В качестве наказания для себя и чтобы выразить признательность своим не особенно длинным, но прекрасно функционирующим ногам, Софи двадцать минут сверх нормы тренировалась на беговой дорожке. И все же ей так и не удалось окончательно избавиться от этой мысли: если уж безногая и безрукая женщина на скейтборде смогла найти мужчину, значит она, Софи, делает что-то совсем уж неправильно! А как, интересно, та женщина с ним познакомилась? Потянула за штанину, когда ехала мимо него на скейте в ночном клубе?

И вот пожалуйста, теперь еще хуже: она завидует собственным, горячо любимым родителям. Все-таки Софи – очень плохой человек. Избалованный единственный ребенок.

Она говорит:

– Хотите послушать письмо тети Конни?

– Да, конечно! – Родители моментально обращаются в слух.

Она вынимает из сумки письмо, откашливается и читает:

– *«Милая Софи...»*

И тут, словно она ожидала именно этого сигнала, около их стола появляется официантка.

– Добрый вечер. Вам понадобится еще какое-то время или можно принять у вас заказ?

– Моя дочь читает письмо от женщины, которая завещала ей дом, – сияя, говорит Гретель. – Причем они были едва знакомы! Это так интригующе, правда?

– О да... разумеется. – Девушка смущена: она явно не знает, как реагировать на это откровение.

– Меня больше интересует, подают ли у вас телятину с овощами. – Ганс смотрит поверх очков, одаривая официантку обворожительной улыбкой.

Заказы наконец приняты, и отцу с дочерью удается уговорить Гретель не приглашать официантку послушать чтение письма, после чего Софи начинает вновь:

– *«Милая Софи!*

Представляешь, дорогая моя, сегодня я надумала завещать тебе свой дом. Странное решение, но, уверяю тебя, оно продиктовано вовсе не эксцентричностью или старческим слабоумием. Я долго размышляла. Не

сомневаюсь, это решение вызовет многочисленные охи и ахи, а Вероника наверняка придет в негодование, но это мой дом, и я хочу, чтобы он достался именно тебе. Конечно, если бы ты осталась с Томасом, все было бы проще. Но я нисколько не удивлена, что вы расстались, и, пожалуй, даже рада, что так вышло.

Вообще-то, я почти тебя не знаю, правда? Но в тебе самой и в твоём отношении к дому было нечто такое... Ты знаешь, что мы с моим покойным мужем Джимми построили его вместе. И дом этот для меня совершенно особенный. Каждый кирпичик, каждая половица, каждый подоконник вызывает у меня воспоминания. Господи, я улыбаюсь даже при виде этого дурацкого держателя для туалетной бумаги!

Любя каждую мелочь, я с ужасом думаю, как Вероника будет крушить все вокруг и выбрасывать вещи, а Томас примется тщательно перекрашивать дом в какой-нибудь жуткий нейтральный цвет. Что до Грейс, то я думаю, она не станет жить на острове, – боюсь, с ним у нее связаны не самые счастливые воспоминания.

Мне по-прежнему очень не хватает Джимми. Это ужасно: ну все равно как просыпаться каждый день с болью в желудке. Вот что я хочу сказать тебе, Софи. Возможно, это звучит по-идиотски, но что-то в тебе очень напоминает мне покойного мужа. Знаешь, за что я влюбилась в Джимми и почему я до сих пор его люблю? За его умение радоваться. Этот человек умел быть счастливым, как никто в моей семье. Боюсь, мы иногда бываем жалкой компанией!

Никак не забуду один момент: ты стояла на моем балконе и вдруг увидела гигантского смеющегося зимородка. Ты оглянулась тогда с таким восторгом, и я подумала: „У нее он тоже есть, этот радостный взгляд Джимми“. Хочу, чтобы в моем доме жил именно такой человек. И еще я думаю, что нашему острову нужен кто-нибудь вроде тебя, кто обладает этим редким умением – радоваться. От этого будет хорошо и дому, и вообще всем. Может быть, это даже окажется полезно для бизнеса!

Кстати, если Грейс по-прежнему живет на острове, ты можешь с ней подружиться. Думаю, она тебе понравится. Извини, пожалуйста, что вмешиваюсь. Как говорит моя сестра Роза, я вечно лезла не в свои дела. Однако (как она может сама подтвердить) в конечном счете все вышло не так уж плохо.

Ну вот, это все, что я хотела сказать.

Счастья тебе в моем доме! Прилагаю перечень инструкций, которые могут тебе пригодиться. Не выбрасывай их, или мой призрак будет тебя преследовать.

Так приятно было общаться с тобой, милая Софи.

Искренне твоя,

тетя Конни.

P. S. Уверена, у тебя десятки поклонников, но есть один симпатичный молодой человек, который, как мне кажется, очень подошел бы тебе и с которым, надеюсь, ты встретишься, когда переедешь в мой дом. Не стану называть его имени, поскольку хотя мое вмешательство в чужие дела и было в основном

успешным, но вот сосватать Розу у меня так и не получилось (а ведь я занималась этим больше семидесяти лет). Просто прошу обратить на него внимание, когда он появится».

Софи поднимает глаза и видит лучезарную улыбку матери, словно дочь только что продемонстрировала ей дневник, полный отличных отметок, а на лице отца читается хитрое выражение, ясно говорящее: «Я тоже не промах, даже и не пытайтесь меня надуть».

– Редкое умение радоваться, – повторяет Гретель. – Это чудесно. Полагаю, ты унаследовала эту способность от меня. Что же, я передумала. Пожалуй, тебе не стоит отказываться от дома!

Ганс говорит:

– Готов поспорить, старуха включила в завещание какой-нибудь пункт о том, что ты не имеешь права продавать дом. Очевидно, она хотела, чтобы ты там жила. И вот еще что: как дорого обойдется его содержание? Надеюсь, это не какая-нибудь жуткая развалюха? Надо сперва все как следует выяснить. Слушай, Софи, я не понял: ты действительно собираешься жить на этом острове, одаривая всех радостью?

– Милый, не иронизируй! – ворчит Гретель.

В этот момент приносят вино – выбранный Софи «Гевюрцтраминер». Она пробует вино, как ее учили с тринадцати лет: поболтать в бокале, вдохнуть аромат, отпить немного и, подержав во рту, задуматься с серьезным выражением лица, а потом энергично улыбнуться официанту и снисходительно произнести: «Чудесно, благодарю вас».

– Расположение дома, прямо скажем, не слишком удобное, – продолжает Ганс, когда вино уже разлито. – Как ты, интересно, будешь добираться с острова до работы? И где станешь держать автомобиль?

– Там есть паром, – объясняет Софи. – У каждой семьи есть собственный катер, а машины они держат на закрытой стоянке на материке. Все очень просто: я переправляюсь по воде на катере, затем сажусь в автомобиль, еду на станцию и на поезде добираюсь до города.

Она говорит небрежно, чтобы отец не догадался, насколько ее восхищает эта перспектива, но мама все портит. Она хлопает в ладоши и озвучивает тайные мысли Софи:

– До чего замечательно! Я вижу это воочию! На воде сверкает солнце! Твой маленький катер пересекает реку, а ты машешь рукой островитянам! Очень романтично!

– Ага, вплоть до первого дождливого дня, – замечает Ганс. – А уж какая романтика, если опаздываешь на работу! Или возвращаешься домой поздно вечером.

Мать говорит:

– Думаю, дорогой, Софи вряд ли поплывет на катере поздно вечером. Наверное, на катерах нет фар?

Ганс бросает на жену раздраженный взгляд:

– Значит, она не сможет каждый день ночевать дома, верно?

– Ну и что? Если вдруг задержится на работе или где-нибудь еще, может приехать к нам.

– Вряд ли это удобно.

– Почему?

– Да потому что она может захотеть... Ну как ты не понимаешь... У нее может появиться... Она... Ну, елки, Гретель! Ты же знаешь, о чем я толкую!

– А-а! Но в таком случае Софи может остаться переночевать у него! – жизнерадостно заявляет Гретель, однако потом хмурится и добавляет: – Если, конечно, он будет

симпатичным. И порядочным.

– Ммм... Папа, мама, большое спасибо, что вы оба печетесь о моей личной жизни, но я уже не маленькая и сама во всем разберусь, – заявляет Софи.

Эти предположения тети Конни о том, что у нее десятки поклонников, и уверенность родителей, что она регулярно занимается сексом, с одной стороны, лестные, а с другой – удручающие.

За соседним столиком происходит какое-то движение. Молодая женщина неожиданно встает и с перекошенным лицом устремляется в дамскую комнату.

– Я же вам говорила! – с выражением торжества и сочувствия на лице шепчет Гретель. – Может быть, мне пойти за ней?

– И между прочим, еще не факт, что этот дом вообще мне достанется, – продолжает Софи. – Сегодня позвонила Вероника: сказала, что собирается опротестовать завещание и, если потребуется, дойдет до Верховного суда.

Отец фыркает:

– Я наводил справки. Вряд ли у нее есть шансы. Между прочим, она формально даже не родственница этой женщины. У Конни ведь не осталось родственников, так?

– Нет, не так, – говорит Гретель. – У нее осталась младшая сестра, та самая, с которой они вместе обнаружили ребенка. Дама, которая разрисовывает лица. Помнишь, мы еще встретили ее, когда в детстве возили на остров Софи? Как ее зовут?

– Роза, – подсказывает Софи.

Но Ганс гнет свое:

– Ну и что? Даже если вдруг эта Роза захочет опротестовать завещание, ей придется доказывать, что Конни не была дееспособной или что ею манипулировали. Из письма ясно, что это не тот случай. Просто она тебя полюбила, дочка. Так или иначе, пока ты не встретишься с юристами и не увидишь завещания, все эти разговоры представляются мне преждевременными.

– Но я не уверена, – возражает Софи, – что вообще имею моральное право принять этот дом.

– Даже не сомневайся, – отвечает мать. – Теперь, когда ты прочитала нам письмо, я даже больше скажу: у тебя нет морального права отказаться от этого дома! Конни хотела, чтобы он стал твоим.

– Если считаешь, что будешь там счастливой, тогда стоит принять, – резюмирует Ганс. – Это просто неожиданное наследство, дорогая моя, только и всего. И нет смысла терзаться: ты ни в чем не виновата.

– Как бы все-таки выяснить насчет этой бедной девочки, которую довела свекровь? – говорит Гретель.

* * *

На следующий день Софи прикидывает, что ей надеть на похороны тети Конни. В это время ее приятельница Клэр лежит на кровати Софи, поглощая из огромного пакета чипсы с солью и уксусом.

Клэр вечно что-то жует, но при этом все равно выглядит изголодавшейся. Ее можно принять за молодую тощую рокершу-наркоманку, хотя на самом деле она вполне приличная

женщина сорока двух лет от роду и работает физиотерапевтом в медицинском центре.

– Похороны состоятся на острове? – спрашивает она Софи, которая стоит перед открытым шкафом, перебирая вешалки с одеждой.

– Нет. Остров совсем крошечный, – отвечает Софи. – Всего шесть домов. Ты там никогда не была?

– Не-а.

– И ни разу не сходила на экскурсию по Дому Элис и Джека?

– Как, интересно, я могла сходить на экскурсию, если никогда не бывала на острове?

– Логично. Ну ничего, когда я там поселюсь, ты приедешь ко мне в гости. И мы вместе отправимся на экскурсию. Я приготовлю тебе тосты с корицей.

При мысли о том, что она будет жить в этом сказочном доме, выходить в пижаме на террасу и пить чай под утренним солнцем, наблюдая за отражением эвкалиптов в реке, Софи замирает от восторга. Это будет неземное блаженство. Райская жизнь, о которой она всегда в глубине души мечтала, даже не догадываясь, что такое вообще возможно. И милая старушка Конни, словно добрая фея-крестная, вручила ей этот сверкающий дар: нет, так бывает только в сказках.

– Там живет большой зимородок, кукабарра, он прилетает каждый вечер и садится на террасе, – рассказывает она Клэр, натягивая блузку через голову и застегивая молнию на юбке.

– Знаю, – кивает Клэр. – Ты мне уже говорила. Потрясающе! Слушай, этот наряд очень простенький. И даже скучный.

Софи смотрит на свою серую юбку и белую блузку.

– Полагаю, скучный – как раз то, что нужно. Я даже сомневаюсь, стоит ли мне вообще идти туда. Вряд ли я пошла бы, если бы тетя Конни не завещала мне дом, но теперь не прийти на похороны будет черной неблагодарностью. Так что сама понимаешь, в какой я ситуации. Кроме того, там будут Томас с женой, а также Вероника и прочие родственники, которых я не видела с тех пор, как мы разбежались. О господи, дай мне силы это пережить!

Клэр советует:

– Надень лучше то черное платье, в котором была на крестинах у Мелиссы, ну, когда ты еще обжималась с тем толстым парнем.

– Он был не толстый, а плотный. И вообще, я не хочу надевать черное, – возражает Софи. – Люди подумают, что я изображаю печаль, хотя все знают, что мы с покойной были едва знакомы.

Она отодвигает руку Клэр и достает из пакета чипсы.

– Шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... – считает Клэр.

По просьбе Софи она считает чипсы, поглощаемые подругой: та установила себе предел – двадцать штук.

– Мне кажется, в том черном платье ты выглядишь по-настоящему сексуальной, – говорит Клэр. – Девятнадцать, двадцать – все, больше нельзя. Не получишь, даже если встанешь на колени и будешь умолять.

Она плотно закрывает пакет и принимается тщательно, один за другим, облизывать пальцы, словно кошка, вылизывающая себя после еды.

– Но я вовсе не хочу выглядеть сексуальной. Мне, наоборот, надо произвести впечатление женщины скромной и неспособной манипулировать людьми.

– Ты должна выглядеть сексуальной, – не сдается Клэр. – Ведь там может быть Он.

– Кто?

– И пожалуйста, не притворяйся, что ты об этом не думала. Парень, о котором тетя Конни написала, что он предназначен для тебя. Твой новый возлюбленный!

Откровенно говоря, Софи даже не приходило в голову, что он может появиться на похоронах. Когда она думает о нем, а это бывает частенько, то представляет себе, как этот тип постучится к ней в дверь через несколько дней после ее переезда в дом Конни. На ней будет комбинезон с одной свисающей лямкой, пышные растрепанные волосы собраны в пучок. На щеке мило размазана какая-то грязь. Он войдет, возможно в заляпанных ботинках, окинет взглядом стопки книг и экзотические, оригинальные украшения, доказывающие, какая она интересная, незаурядная женщина, и сделает какое-нибудь забавное, проницательное, умное (но не заумное) замечание. И этот самый момент окажется переломным. Что-то вдруг взорвется, нахлынет и запыляет. Они вместе займутся преодолением этой ситуации – что в идеале потребует с его стороны некоторых мышечных усилий, – и, когда все закончится, оба, радостно смеясь, повалятся на пол. Их глаза встретятся, и в этот момент оба они что-то поймут. И тогда Софи украдкой взглянет на часы, чтобы запомнить время, когда поняла, что встретила будущего мужа, дабы рассказать потом детям.

Проблема в том, что у нее нет комбинезона. А также экзотических, оригинальных украшений. К тому же ей придется спрятать коллекцию романов эпохи Регентства. Она ненавидит снисходительное выражение, появляющееся на лице потенциального бойфренда, когда тот замечает у нее подобного рода литературу, – словно она очаровательный несмышленный щенок.

– Ах вот ты о чем, – небрежно произносит Софи. – А я совсем про это и забыла.

Клэр фыркает недоверчиво-раздраженно.

– Знаешь, тетя Конни написала это письмо несколько месяцев тому назад, – словно бы оправдывается Софи. – И наверняка этот парень уже кого-нибудь себе нашел. В Сиднее, как тебе известно, мужчины недолго остаются холостыми. Их тут у нас мигом расхватывают. К тому же мне трудно судить о вкусах тетушки Конни.

– Ты говорила, что видела фотографии ее мужа. И сказала, что он был очень сексапильный.

Софи ухмыляется:

– Это правда.

– Послушай, ты не можешь при первой встрече с этим парнем выглядеть словно серая мышка. Надо брать быка за рога! Может быть, это твой единственный шанс. Время идет, ты...

– ...не молодеешь. Да, Клэр, спасибо, что напомнила.

– Не лезь в бутылку, Софи. Лучше послушай меня. Если ты и впрямь хочешь обзавестись семьей, осталось не так уж много времени. Надо пользоваться каждой возможностью. А иначе с ребенком ты пролетишь.

Таким властным тоном старшей сестры Клэр обычно разговаривает с Софи о ее личной жизни (или об отсутствии оной). Сама Клэр вот уже одиннадцать долгих лет имеет связь с мужчиной и не хочет детей, потому что у них с партнером «особый стиль жизни», подразумевающий долгие и трудные походы во время отпуска. Тем не менее она уважительно относится к желанию Софи родить ребенка – может быть, излишне уважительно – и поэтому беспокоится, когда подруга, по ее мнению, сачкует в охоте на мужчин. Клэр не верит ни в

судьбу, ни в предназначение, ни в то, что Тот Самый Мужчина появится именно в тот момент, когда его меньше всего ожидаешь. Она считает, что везде необходим деловой подход и совершенно не важно, какую ты поставила перед собой цель: купить подходящую машину, приобрести недвижимость или же найти спутника жизни, который станет отцом твоих детей, пока ты еще в состоянии забеременеть.

Софи со вздохом вынимает из шкафа другую вешалку.

– Тебе не кажется, что это уже чересчур – ожидать, чтобы тетя Конни, как добрая фея, подарила мне не только дом, но еще и мужчину? Между прочим, ты сама говорила, что я напрасно считаю жизнь долбаной сказкой. Что, не так?

– Надень сексуальное черное платье номер один, Золушка ты наша.

* * *

Накануне похорон тети Конни Вероника снова звонит Софи:

– Надеюсь, у тебя не хватит наглости прийти завтра?

– Я полагала, ты до конца жизни больше не скажешь мне ни слова.

– Тебя здесь не ждут. Ты не родственница.

– Бог мой, Вероника, – вкрадчиво произносит Софи, – а ведь однажды, дело было на свадьбе, ты, помнится, произнесла речь о том, что я для тебя все равно как родная сестра!

Естественно, когда Вероника в свое время выходила замуж, Софи была подружкой невесты. Жестоко и даже подло с ее стороны сейчас напоминать Веронике о ее неудачном браке с Джонасом, который вскоре закончился разводом, но надо же как-то поставить эту нахалку на место.

– А позволь напомнить тебе, что именно на этой свадьбе ты познакомилась с моим братом. Не забыла?

– Нет, помню, но при чем здесь это?

– При том, что ты отвергла Томаса. Ты отвергла нашу семью. А теперь собираешься снова впорхнуть в наш дом как ни в чем не бывало.

Она хочет сказать – ты отвергла меня. Иногда Софи кажется, что Вероника обиделась тогда даже сильнее Томаса. Вероника была в восторге, когда ее брат и ее подруга стали встречаться. Когда Софи не лукавит с собой – кто бы знал, как же ей хочется быть честной, – то осознает, что одной из причин разрыва с Томасом была экспансивность Вероники. Есть в ней нечто такое, что вызывает в Софи желание крепко обхватить себя руками и сказать: «Не позволю больше лезть к себе в душу». Вероника запоминала все самые тривиальные подробности ее жизни, словно бы накапливая впрок боеприпасы, чтобы доказать... что? Что она знает Софи вдоль и поперек? В присутствии других подруг она могла сказать: «О нет, это число не подходит. Софи не сможет прийти. В третий четверг месяца она всегда ужинает вместе с родителями. Только представьте: они составляют рейтинг ресторанов». Она помнила все ее любимые и нелюбимые книги и фильмы, знала, какую еду предпочитает подруга. «Нет-нет, Софи терпеть не может тортеллини»; «О, тот фильм Софи понравился».

По какой же причине подобные, в общем-то безобидные, замечания сильно раздражали Софи? Ей почему-то казалось, что если она будет проводить с Вероникой слишком много времени, то от нее самой ничего не останется. Вероника как вампир, вонзивший клыки в шею Софи и высасывающий из нее кровь.

– Я думала, ты простила мне, что я порвала с Томасом. – Софи смягчает тон, потому что Вероника просто хочет быть ее другом, только и всего. И никакой она не вампир. – Помнится, ты сама сказала, что надо забыть прошлое и пора двигаться дальше.

Но Вероника игнорирует эти слова.

– Готова поспорить, ты еще на моей свадьбе начала обрабатывать тетю Конни.

Софи разгневана:

– Что?! Да я с ней там вообще почти не говорила!

Тетушка Конни тогда всю веселилась, вспоминает Софи. Ее муж Джимми был еще жив. Они танцевали чарльстон: седоволосые старики, которые каким-то чудом умудрялись вертеть пальцами и синхронно дрыгать ногами, скрещивая руки на коленях. Софи на долю секунды увидела энергичную молодую пару, какой они когда-то были. Гости бешено аплодировали. Танцоры и впрямь были великолепны.

Вероника опять меняет тему разговора:

– Послушай, своим появлением ты просто расстроишь хороших людей. Мама, бабушка Энигма, тетя Роза – никто не хочет, чтобы ты приходила.

– Вероника, сегодня мне позвонила твоя тетя Роза и спросила, приду ли я.

Следует молчание, настолько нетипичное для Вероники, что Софи думает: их разъединили.

– Алло, Вероника?

В трубке звучит напряженный голос:

– Я тебе не верю.

Ну конечно. Для Вероники худшее предательство – это когда ее оставляют в неведении.

А теперь Софи вновь чувствует себя виноватой, потому что Вероника права. Она действительно не принадлежит к их семье. У нее всего лишь несколько воспоминаний связано с тетей Конни, а у Вероники – вся жизнь. Это несправедливо. Софи очаровала старушку, и та оставила ей дом. Не имеет значения, что в этом не было злого умысла. Все это неправильно.

– Мне очень жаль, Вероника, – говорит она. – Правда жаль.

В ледяном голосе Вероники звучит праведный гнев.

– А мне жаль, что я вообще с тобой встретила.

- Мы расскажем Софи правду об Элис и Джеке? Думаешь, Конни хотела бы этого?
- Да, пожалуй, но только когда ей исполнится сорок. Как и всем остальным.
- Сколько ей, по-твоему, лет?
- Не знаю, кто их разберет. По сравнению с нами совсем еще девчонка.

Неужели Элис и Джек Манро умышленно бросили ребенка, зная, что в дом зайдут Конни и Роза, которые смогут лучше позаботиться об их дочери? Разумеется, нет. Это объяснение было бы слишком тривиальным. Значительно проще оставить ребенка на крыльце или подбросить соседям. Кроме того, в эту версию никак не укладываются кипящий на плите чайник, свежее испеченный мраморный пирог и те таинственные пятна крови на кухонном полу.

Может быть, Джек убил Элис в припадке гнева, потому что терпеть не мог мраморный пирог, после чего закопал труп жены и оставил ребенка умирать? Или, быть может, Элис убила Джека в припадке гнева, потому что он пренебрежительно отозвался о ее мраморном пироге, после чего закопала труп мужа и оставила ребенка умирать? Определенно дневник, найденный в семидесятые годы, позволяет предположить нечто в этом роде.

А может быть, это ребенок убил Элис и Джека?

Последнее предположение десятилетняя Вероника высказала однажды на пляже Томасу и Грейс, и они покатались со смеху, представляя себе, как младенец (их бабушка Энигма!) выскакивает из кровати и душит крошечными ручонками Элис и Джека.

Вечером накануне похорон Грейс купает малыша, размышляя о тайне своей прабабки Элис Манро.

Грейс терпеть не может купать ребенка. Когда он плотно завернут в пеленки, то напоминает плотный, податливый футбольный мяч. Но голенький, он такой хрупкий и слабый, с тонкими ножками, подогнутыми, как у цыпленка в супермаркете. Хрупкость его миниатюрных конечностей вызывает у нее дурноту. Кажется, малыш догадывается, что ужасно уязвим в голом виде, потому что, стоит Грейс начать раздевать Джейка, он пищит, пищит и пищит, – звук такой, как будто со скрипом проводят ногтями по школьной доске, и от этого с головой у нее что-то происходит. Когда она держит сына в ванночке, тот молотит ручками и ножками. Возможность нечаянно утопить малыша представляется Грейс вполне реальной, и целью каждого купания становится спасение ребенка. Она боится, что поцарапает ногтями его тонкую красноватую кожу, хотя ногти у нее коротко подстрижены и отполированы.

Ну а Кэллум, разумеется, любит купать Джейка. Грейс могла бы попросить его делать это каждый день, но у нее возникает ощущение, что она идет по опасной дороге и если остановится хоть на миг, то может больше уже не подняться. Лучше продолжать упрямо двигаться дальше.

Грейс размышляет о том, как ее прабабка купала своего ребенка. Когда супруги Манро исчезли, была зима, как и теперь. А зимой на острове становится очень холодно. У Элис не было горячей воды, электричества и газового отопления. Не было и телевизора, чтобы хоть как-то отвлечься во время кормления грудью. Никаких тебе компакт-дисков, которые скрадывали бы тишину дома. Не было холодильника, стиральной машины, сушилки. У них с Джеком вообще было туго с деньгами, как и у всех в то время. «Вы, дети, и понятия об этом не имеете, – говаривала тетя Конни. – Вы думаете, что ужасные вещи происходят только на полях сражения, однако нечто подобное творится и в самых обычных загородных домах». Джек остался без работы. Семьдесят лет спустя совместные сбережения супругов Манро в количестве двух шиллингов и шести пенсов по-прежнему лежат в жестянке, которая стоит на

полке над раковиной. Экскурсантам в Доме Элис и Джека разрешается заглянуть в жестянку, которую трясет у них под носом экскурсовод. («Вовсе не обязательно делать это с таким грохотом, Вероника», – говорила, бывало, тетя Конни.)

Грейс не представляет себе, как ее прабабка со всем справлялась, хотя, в свете случившегося, может быть, и не справлялась. Правда, она испекла мраморный пирог. С этим не поспоришь. Это аргумент в ее пользу, разве нет? Нет, конечно. Можно испечь замечательный торт и при этом быть не в себе. Грейс вспоминает, как тетя Марджи энергично натирала на кухне цедру лимона для торта с меренгами, безудержно рыдая: это было в тот самый день, когда у их с Лаурой отца обнаружили рак. Из всей семьи тетя Марджи любила деда больше всех. Кто знает, какие мысли витали в голове у Элис, пока она пекла этот пресловутый мраморный пирог. Знала ли она, что это последний пирог в ее жизни?

Грейс вынимает ребенка из ванночки и кладет на спину на пеленальный столик. По крайней мере, он пока не умеет переворачиваться. Когда научится, то окажется в еще большей опасности. Он станет как скользкий стеклянный шар. От одной мысли об этом у Грейс начинается сверлящая боль в виске.

Что почувствовала Элис, когда у нее родилась девочка? Была ли она одержима заботой о дочери, как это часто бывает у матерей?

Право, странно, что сама Грейс никогда прежде не задумывалась над тем, что приходится правнучкой Элис Манро. В голове Грейс и ее двоюродных брата и сестры с трудом укладывался тот факт, что их седая бабушка Энигма и крошечная брошенная девочка, улыбающаяся тете Конни и тете Розе, – один и тот же человек. Да и сама история не казалась Грейс особенно интересной. А вот Вероника, наоборот, постоянно придумывала новые – все более жуткие – разгадки этой тайны.

Грейс застегивает кнопки на бледно-зеленых ползунках Джейка, и он опять превращается в нормального, ухоженного младенца, у которого есть нормальная заботливая мать.

Она размышляет дальше. А что, если нечто, заставлявшее прабабку держать себя в руках, заниматься хозяйством, каждый день вставать с кровати и печь мраморный пирог, постепенно ослабевало и, когда однажды ее муж сказал или сделал что-то вполне безобидное, это нечто вдруг лопнуло? И тогда Элис, словно сорвавшись с цепи, впала в ярость, что привело к ужасным последствиям. Грейс думает, что, может быть, эта склонность к резким перепадам настроения заключена в генах, которые сейчас блуждают в ее собственной ДНК. И тогда, наверное, более разумно предпринять что-то, прежде чем эти гены кому-то навредят.

* * *

После купания Джейк, насосавшись молока, мирно засыпает. Грейс кладет сына в кроватку и бесстрастно смотрит на него. Это очень хороший, спокойный ребенок. Он ведет себя в точности как написано в книгах, которые одолжила ей жена Томаса, Дебора.

Незадолго до рождения Джейка Грейс навещала Томаса, Дебби и малютку Лили в их безупречно чистом доме в Вест-Райде. По улице гоняли на велосипедах дети, и повсюду чувствовался запах свежескошенной травы. Дебби угостила ее домашними бисквитами.

Томас показал кухне новую беседку. От Томаса исходило ощущение покоя. Казалось, всю жизнь эти три цели – построить дом, найти жену, обзавестись ребенком – тяжким грузом давили на него, а теперь наконец, выполнив все эти пункты, он мог расслабиться и благодушно наблюдать, как прочие люди бьются в попытке обрести собственную тихую гавань.

«Знаешь, а Софи по-прежнему одна, – сообщил он Грейс грустно, без тени торжества, с каким-то даже неловким участием. – После тридцати пяти вероятность рождения ребенка с синдромом Дауна увеличивается с каждым годом. Ей действительно стоит поторопиться».

Изрядную долю своих изречений Дебби начинает с фразы: «Я такой человек, который...» Дебби такой человек, который умеет моментально и точно определить характер другого человека. Она заявила, что Грейс будет замечательной матерью. Дебби такой человек, который считает, что знание – сила, и поэтому она накупила кучу книг по правильному воспитанию детей. Дебби такой человек, который совсем не против одолжить книги кому-нибудь вроде Грейс, тем более что они родственницы, но ей хотелось бы получить книги обратно в хорошем состоянии. Дебби такой человек, который очень терпеливо переносит боль, но, когда она рожала, ей показалось, что ее разрывают пополам, и она так громко кричала, что у нее в глазу лопнули сосуды. Дебби такой человек, который не очень любит детей, но, впервые увидев свою дочь Лили, она испытала эйфорию.

«Я моментально полюбила ее, – говорила Дебби. – Я не такой человек, который будет преувеличивать, но, правду сказать, ничего подобного я прежде не испытывала. Я просто обожаю Лили. Я бы отдала за нее жизнь. Ради нее я бы бросилась под поезд. Когда она родилась, я рыдала, правда, Томми? Вот увидишь, Грейс, с тобой будет то же самое. Это происходит с каждой матерью».

Через три месяца, в четыре часа утра, Грейс впервые увидела своего ребенка. Акушерка, тощая занудная девица, которую Грейс ненавидела, положила новорожденного ей на живот. Грейс ожидала эйфории. Но не почувствовала буквально ничего. Не то чтобы она питала неприязнь к этому скользкому существу. Просто ребенок был чужаком и не имел к ней никакого отношения. Она испытывала лишь облегчение оттого, что все позади, что он вышел из нее и что никто больше не выкрикивает команды.

Теперь у Грейс была собственная история родов, но она не представляла, что могла бы кому-нибудь ее рассказать, как это сделала Дебби – во всех подробностях, за чаем с бисквитами. Это казалось ей абсурдом. Она тогда потеряла всякий контроль над собой – над рассудком и телом – и не хочет вспоминать.

«Какой же он крохотный!» Рядом с кроватью в белом больничном халате стоял Кэллум – бледный, с красными глазами. На халате виднелись пятна крови. Он был похож на врача из сериала «Скорая помощь». Грейс увидела сморщенное и поглупевшее от радости лицо мужа. Значит, он-то это почувствовал.

Она подумала, что, может быть, эйфория запаздывает, но в конце концов все же настигнет ее. В один прекрасный день она взглянет на сына и полюбит его, как и полагается хорошей матери. Но Джейку уже три недели от роду, и Грейс начинает опасаться, что никогда ничего не почувствует, кроме огромной ответственности за него: чтобы билось крошечное сердечко и дышали маленькие легкие. Неужели ей теперь придется до конца жизни притворяться? Грейс представляет себе, как Джейк делает первые шаги, в первый раз идет в школу, играет в первом футбольном матче, смущенно встает, чтобы произнести речь в день своего восемнадцатилетия, – и все это время рядом с ним будет Грейс, его лживая мать,

которая станет постепенно сесть и покрываться морщинами, по-прежнему не испытывая никаких чувств.

Она смотрит на спящего Джейка и вслух произносит:

– Ну вот, Дебби, ты ошиблась. Я такой человек, который не может полюбить собственного ребенка.

* * *

По пути на кухню Грейс начинает плакать. Она почему-то ощущает себя... как бы это лучше выразиться... отдельно от плача, словно тело ее испытывает ряд произвольных симптомов – соленые выделения из глаз, сотрясение груди. Это все продолжается и продолжается, и Грейс даже удивляется: она и не догадывалась, что можно так долго плакать.

В конце концов Грейс решает, что нет нужды забрасывать дела только потому, что она плачет. Одно другому не мешает. Ей столько всего надо сделать. Загружая стиральную машину, она рыдает, а позже, развешивая белье, воет на холодном ветру. Она обжаривает фарш для лазаньи, любимого блюда Кэллума, и слезы с ее подбородка каплют в шипящее мясо.

«Ну до чего же это глупо, – думает Грейс. – Пора уже прекращать».

Не хватало еще встретить Кэллума, когда тот вернется домой, опухшей и с красным носом. Она хочет, чтобы в духовке готовился ужин, чтобы играл компакт-диск, чтобы в кроватке лежал чистый ребенок и была открыта бутылка хорошего красного вина. Грейс хочет, чтобы все было хорошо: так, как она воображала себе до рождения сына.

Она должна преуспеть в этом. Быть матерью – это как любой другой новый навык, например вождение машины или игра в теннис. Поначалу это кажется невероятно трудным, но потом, стиснув зубы и пытаясь вновь и вновь, ты постепенно постигаешь очередное умение. Ей просто надо включить голову, свою глупую больную голову.

Когда Кэллум приехал домой после первого рабочего дня, он нашел Грейс крепко спящей на диване. Он дотронулся до руки жены, и она, не открывая глаз, произнесла: «Послушай! Всего-то и надо, что добавить два яйца!», а потом повернулась на другой бок и снова заснула. Кэллуму это показалось очень забавным. Она слышала, как муж с любовью рассказывал об этом по телефону своей матери: «Очень устала, конечно. Нет, с ней все хорошо».

[Купить полную версию книги](#)

notes

Энигма (англ. enigma) – загадка. – Здесь и далее примеч. перев.

Тайдимен (англ. Tidy man) – аккуратист, опрятный человек.